
Боевые
ребята
ОГИЗ СВЕРДЛГИЗ 1946
№ 6

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

ОГИЗ
СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1946

Редактор-составитель
Кл. Рождественская

*

Рисунки и обложка художника
В. Цигаля

*

Подписано в печать 19/III 1946 г.
Печ. л. $6^{1}/_{2}$ Уч.-издат. л. 6,78.
Формат $70\times87/_{16}$. Тираж 10000 экз.
НС 11221. Заказ 777. Цена 3 р. 50 к.

*

5-я типография треста
«Полиграфкнига» Огиза при Совете
Министров СССР
Свердловск, ул. Ленина, 47.

*

Голубая змейка

П. Бажов

Росли в нашем заводе два парнишечка, по близкому соседству, Ланко Пужанко да Лейко Шапочка.

Кто и за что им такие прозванья придумал, это сказать не умею. Меж собой эти ребята дружно жили. Подстать подобрались. Умишком вровень, силенкой вровень, ростом и годами тоже. И в житье большой различки не было. У Ланка отец рудобоем был, у Лейка на золотых песках горевал, а матери, известно, по хозяйству мытарились. Ребятам и нечем было друг перед дружкой погордиться.

Одно у них не сходилось: Ланко свое прозвище за обиду считал, а Лейку лестно казалось, что его так ласково зовут — Шапочка. Не раз у матери припрашивал:

— Ты бы, мамонька, сшила мне новую шапку! Слышишь, — люди меня Шапочкой зовут, а у меня тятин малахай, да и тот старый.

Дружбе ребячьей это не мешало. Лейко первый в драку лез, коли кто обзовет Ланка Пужанком.

— Какой он тебе Пужанко? Кого испугался?

Так вот и росли парнишечки рядком да ладком. Рассорки, понятно, случались, да не надолго. Промигаться не успеют, опять вместе.

И то у ребят вровень пришлось, что оба последними в семьях росли. Повольготнее таким-то. С малыми не водиться. От снегу до снегу домой только поесть да поспать прибегут. Мало ли в ту пору у ребят всякого дела: в бабки поиграть, в городки, порыбачить тоже, покупаться, за ягодами, за грибами сбегать, все горочки сблазить, пенечки на одной ноге обскакать. Утянутся из дому с утра — ищи их! Только этих ребят не больно искали. Как вечером прибегут домой, так на них поварчивали:

— Пришел, наше шатало! Корми-ко его!

Зимой по-другому приходилось. Зима, известно, всякому зверю хвост подожмет и людей не обойдет. Ланка с Лейком зима по избам загоня-

ла. Одежонка, видишь, слабая, обувки жиденькие, — недалеко в них ускочишь. Только и хватало тепла из избы в избу перебежать.

Чтоб большим под руку не подвертываться, забьются оба на полати, да там и посиживают. Двоим-то все-таки веселее. Когда и поиграют, когда про лето вспоминают, когда просто слушают, о чем большие говорят.

Вот раз сидят этак-то, а к Лейковой сестре Марьюшке подружки набежали. Время к Новому году подвигалось, а по девичьему обряду в ту пору про женихов ворожат. Девчонки и затеяли такую ворожбу. Ребятам любопытно поглядеть, да разве подступишься. Близко не пускают, а Марьюшка по-свойски еще подзатыльников надавала: — Уходите на свое место!

Она, видишь, эта Марьюшка из сердитеньких была. Который год в невестах, а женихов не было. Девушка будто и вовсе хорошая, да маленько косоротенька. Изъян вроде и невелик, а парни все же браковали ее из-за этого. Ну, она и сердилась.

Забились ребята на полати, пыхтят, да помалкивают, а девчонкам весело. Золу сеют, муку по столешнице раскатывают, угли перекидывают, в воде брызгаются. Перемазались все, с визгом хохочут одна над другой, только Марьюшке невесело. Она, видно, изверилась во всякой ворожбе, говорит:

— Пустяк это. Одна забава.

Одна подружка на это и скажи:

— По-доброму-то ворожить боязно.

— А как? — спрашивает Марьюшка.

Подружка и рассказала:

— От бабушки слыхала, самое правильное гаданье будет такое: Надо вечером, как все уснут, свой гребешок на ниточку повесить на поветях, а на другой день, когда еще никто не пробудился, снять этот гребешок, — тут все и увидишь.

Все любопытствуют, — как? А девчонка объясняет:

— Коли в гребешке волос окажется, — в тот год замуж выйдешь. Не окажется волоса — нет твоей судьбы. И про то догадаться можно, какой волосом муж будет.

Ланко с Лейком приметили этот разговор и то смекнули, что Марьюшка непременно так ворожить станет. А оба в обиде на нее за подзатыльники-то. Ребята и сговорились:

— Подожди! Мы тебе припомним!

Ланко в тот вечер домой ночевать не пошел, у Лейка на полатях

остался. Лежат, будто похрапывают, а сами друг дружку кулачонками в бока подтыкают: «Гляди, не усни!».

Как большие все уснули, ребята слышат, — Марьюшка в сенки вышла. Ребята за ней и углядели, как она на повети залезала и в котором месте там возилась. Углядели и поскорее в избу. За ними следом Марьюшка прибежала. Дрожит, зубами чакает. То ли ей холодно, то ли боязно. Потом легла, поежилась маленько и слышно стало, — уснула. Ребятам того и надо. Слезли с полатей, оделись, как пришлось, и тихонько вышли из избы. Что делать, об этом они уже сговорились.

У Ланка, видишь, мерин был, не то чалый, не то бурый, звали его Голубко. Ребята и придумали этого мерина Марьюшкиным гребешком вычесать. На поветях ночью-то боязно, только ребята один перед другим храбрятся. Нашли на поветях гребешок, начесали с Голубка шерсти и гребешок на место повесили. После этого в избу пробрались и крепко-накрепко заснули. Пробудились позднехонько. Из больших в избе одна Лейкова мать была, — у печки топталась.

Пока ребята спали, тут вот что случилось. Марьюшка утром поднялась раньше всех и достала свой гребешок. Видит — волосу много. Обрадовалась, — жених кудрявый будет. Побежала к подружкам похвастаться. Те глядят, — что-то не вовсе ладно. Дивятся, какой волос чудной. Ни у одного знакомого парня такого не видывали. Потом одна разглядела в гребешке силышко от конского хвоста. Подружки и давай хохотать над Марьюшкой.

— У тебя, говорит, женихом-то Голубко оказался.

Марьюшке это за большую обиду. Она разругалась с подружками, а те, знай, хохочут. Кличку ей объявили: Голубкова невеста.

Прибежала Марьюшка домой, жалуется матери, — вот какое горе приключилось, а ребята помнят вчерашние подзатыльники и с полатей поддразнивают:

— Голубкова невеста, голубкова невеста.

Марьюшка тут вовсе разревелась, а мать смекнула, чьих это рук дело, закричала на ребят:

— Что вы, бесстыдники, наделали! Без того у нас девку женихи обходят, а вы ее на-смех поставили.

Ребята поняли, — вовсе неладно вышло, давай перекоряться:

— Это ты придумал!

— Нет, ты!

Марьюшка из этих перекоров тоже поняла, что ребята ей такую штуку подстроили, кричит им:

— Чтоб вам самим голубая змейка привиделась!

Тут опять на Марьюшку мать напустилась!

— Замолчи, дура! Разве можно такое говорить? На весь дом беду накличешь!

Марьюшка в ответ на это свое говорит:

— Мне что до этого! Не глядела бы на белый свет!

Хлопнула дверью, выбежала в ограду и давай там снеговой лопатой Голубка гонять, будто он в чем провинился. Мать вышла, сперва пристрожила девку, потом в избу увела, уговаривать стала. Ребята видят, — не до них тут, утянулись к Ланку. Забились там на полати и посиживают смирнехонько. Жалко им Марьюшку, а чем теперь поможешь? И голубая змейка в головенках застряла. Шопотом спрашивают один у другого:

— Лейко, ты не слыхал про голубую змейку?

— Нет, а ты?

— Тоже не слыхивал.

Шептали-шептали, решили у больших спросить, когда дело маленько призамнется. Так и сделали. Как марьюшкина обида позабылась, ребята и давай разузнавать про голубую змейку. Кого ни спросят, те отмахиваются: не знаю, — да еще грозятся:

— Возьму вот прут, за отвожу обоих! Забудете о таком спрашивать!

Ребятам от этого еще любопытнее стало: что за змейка такая, про которую и спрашивать нельзя?

Нашли таки случай. По праздничному делу у Ланка отец пришел домой порядком выпивши и сел у избушки на завалинке. А ребята знали, что он в такое время поговорить больно охоч. Ланко и подкатился.

— Тятя, ты видал голубую змейку?

Отец, хоть сильно выпивши был, даже отшатнулся, протрезвел и заклятье сделал:

— Чур, чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!

Пристрожил ребят, чтоб напредки такого не говорили, а сам все-таки выпивши, поговорить-то ему охота. Посидел так, помолчал, потом и говорит:

— Пойдемте на бережок. Там свободнее про всякое сказывать.

Пришли на бережок, закурил Ланков отец трубку, оглянулся во все стороны и говорит:

— Так и быть, скажу вам, а то еще беды наделаете своими разговорами. Вот, слушайте!

— Есть в наших краях маленькая голубенькая змейка. Ростом не больше четверти и до того легонькая, будто в ней вовсе никакого весу нет. По траве идет, так ни одна былинка не погнется. Змейка эта не ползает, как другие, а свернется колечком, головенку выставит, а хвостиком упирается и подскакивает да так бойко, что и не догонишь ее. Когда она этак-то бежит, вправо от нее золотая струя сыплется, а влево — черная-пречерная.

— Одному увидеть голубую змейку прямое счастье: наверняка верховое золото окажется, где золотая струя прошла. И много его. Поверху большими кусками лежит. Только оно тоже с подводом: если лишку захватишь, да хоть капельку сбросишь, все в простой камень повернется. Второй раз тоже не придешь, потому место сразу забудешь.

— Ну, а когда змейка двоим-троим, либо целой артелке покажется, тогда вовсе черная беда. Все перессорятся и такими ненавистниками друг дружке станут, что до смертоубийства дело дойдет. У меня отец на каторгу ушел из-за этой голубой змейки. Сидели как-то артелью и разговаривали, а она и показалась. Тут у них и пошла неразбериха. Двоих на-смерть в драке убили, остальных пятерых на каторгу угнали. И золота никакого не оказалось. Потому вот про голубую змейку и не говорят: боятся, как бы она не показалась при двоих, либо троих. А показаться она везде может: в лесу и в поле, в избе и на улице.

Да еще сказывают, будто голубая змейка иной раз человеком прикидывается, только узнать ее все-таки можно. Как идет, так даже на самом мелком песке следов не оставляет. Трава и та под ней не гнется. Это первая примета, а вторая такая: из правого рукава золотая струя бежит, из левого черная пыль сыплется.

Наговорил этак-то Ланков отец и наказывает ребятам:

— Смотрите, никому об этом не говорите и вдвоем про голубую змейку вовсе даже не поминайте. Когда в одиночку случится быть и кругом людей не видно, тогда хоть криком ее кричи.

— А как ее звать? — спрашивают ребята.

— Этого, — отвечает, — не знаю, а если бы знал, тоже бы не сказал, потому опасное это дело.

На том разговор и кончился. Ланков отец еще раз настрого наказал ребятам помалкивать и вдвоем про голубую змейку даже не поминать.

Ребята сперва сторожились, один другому напоминал:

— Ты, гляди, про эту штуку не говори и не думай, как со мной вместе. В одиночку надо.

Только как быть, когда Лейко с Ланком всегда вместе, и голубая змейка ни у того, ни у другого с ума нейдет? Время к теплу подвинулось. Ручейки побежали. Первая весенняя забава около живой воды повозиться: лодочки пускать, запруды строить, меленки водой крутить. Улица, по которой ребята жили, крутиком к пруду спускалась. Весенние ручейки тут скоро сбежали, а ребята в эту игру не наигрались. Что делать? Они взяли по лопатке да и побежали за завод. Там, дескать, из лесу еще долго ручейки бежать будут, на любом поиграть можно. Так оно и было. Выбрали ребята подходящее место и давай запруду делать, да поспорили, кто лучше умеет. Решили на деле проверить, каждому в одиночку плотинку сделать. Вот и разошлись по ручью-то. Лейко пониже, Ланко повыше, шагов поди, на полсотни. Сперва перекликались:

— У меня, смотри-ко!

— А у меня! Хоть завод строй!

Ну, все-таки работа. Оба крепко занялись, помалкивают, стараются, как лучше сделать. У Лейка привычка была что-нибудь припевать за работой. Он и подбирает разные слова, чтобы вклад вышло:

Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!
Объявись, покажись, колеском покрутись!

Только пропел, видит, — на него с горки голубенькое колеско катится. До того легонькое, что сухие былинки и те под ним не сгибаются. Как ближе подкатилось, Лейко разглядел, — это змейка, колеском свернулась, головенку вперед уставила, да на хвостике и подскакивает. От змейки в одну сторону золотые искры летят, в другую черные струйки брызжут. Глядит на это Лейко, а Ланко ему кричит:

— Лейко, гляди-ко, — вон она, голубая змейка!

Оказалось, что Ланко это же самое видел, только змейка к нему из-под горки поднималась. Как Ланко закричал, так голубая змейка и потерялась куда-то. Сбежались ребята, рассказывают друг другу, хвалятся:

— Я и глазки разглядел!

— А я хвостик видел. Она им упрется и подскочит.

— Думаешь, я не видел? Из колечка-то чуть высунулся.

Лейко, как он все-таки поживее был, побежал к своему прудику за лопаткой.

— Сейчас, — кричит, — золота добудем!

Прибежал с лопаткой и только хотел ковырнуть землю с той стороны, где золотая струя прошла, Ланко на него налетел:

— Что ты делаешь? Загубишь себя! Тут, поди-ко, черная беда рассыпана!

Подбежал к Лейку и давай его отталкивать. Тот свое кричит, упирается. Ну, и разодрались ребята. Ланку с горки сподручнее, он и оттолкал Лейка подальше, а сам кричит:

— Не допущу в том месте рыться. Себя загубишь. Надо с другой стороны.

Тут Лейко опять набросился:

— Никогда этого не будет! Загинешь ты. Сам видел, как в ту сторону черная пыль сыпалась!

Так вот и дрались. Один другого остерегают, а сами тумаки дают. До реву дрались. Потом разбираться стали, да и поняли, в чем штука: видели змейку с разных сторон, потому правая с левой и не сходятся. Подивились ребята:

— Как она нам головы закружила! Обоим навстречу показалась. Насмеялась над нами, до драки довела, а к месту и не подступиться. В другой раз, не прогневайся, не позовем. Умеем, а не позовем!

Решили так, а сами только о том и думают, чтоб еще раз поглядеть на голубую змейку. У каждого на уме и то было, не попытать-ли в одиночку. Ну, боязно, да и перед дружком как-то нескладно. Недели две, а то и больше все-таки о голубой змейке не разговаривали. Лейко начал:

— А, что если нам еще раз голубую змейку позвать? Только чтоб с одной стороны глядеть.

Ланко добавил:

— И чтоб не драться, а сперва разобрать, нет ли тут обмана какого!

Сговорились так, захватили из дому по кусочку хлеба, да по лопатке и пошли на старое место. Весна в том году дружная стояла. Прошлогоднюю ветошь всю зеленой травой закрыло. Весенние ручейки давно пересохли. Цветов много появилось. Пришли ребята к старым своим запрудам, останавливались у лейкиной и начали припевать:

Эй-ка, эй-ка, голубая змейка!
Объявись, покажись, колеском покрутись!

Стоят, конечно, плечо в плечо, как уговорились. Оба босиком по теплому времени. Не успели кончить припевку, от ланковой запруды показалась голубая змейка. По молодой-то траве скоренько поскакивает. Направо от нее густое облачко золотой искры, налево — такое же густое — черной пыли. Катит змейка прямо на ребят. Они уже разбегаться хотели, да Лейко смекнул, ухватил Ланка за пояс, поставил перед собой и шепчет:

— Негоже на черной стороне оставаться!

Змейка все же их перехитрила, — меж ног у ребят прокатила. У каждого одна штанина золоченой оказалась, другая как дегтем вымазана. Ребята это не заметили, смотрят, что дальше будет. Голубая змейка докатила до большого пня и тут куда-то подевалась. Подбежали, видят, — пень с одной стороны золотой стал, с другой черным черпехонек и тоже твердый, как камень. Около пня дорожка из камней, направо желтые, налево черные.

Ребята, конечно, не знали вескости золотых камней. Ланко сгоряча ухватил один и чует — ой, тяжело, не донести такой, а бросить боится. Помнит, что отец говорил: сбросишь хоть капельку, все в простой камень перекинется.

Он и кричит Лейку:

— Поменьше выбирай, поменьше! Этот тяжелый!

Лейко послушался, взял поменьше, а он тоже тяжелым показался. Тут он понял, что у Ланка камень вовсе не подсилу, и говорит:

— Брось, а то надорвешься!

Ланко отвечает:

— Если брошу, все в простой камень обернется.

— Брось, говорю! — кричит Лейко, а Ланко упирается: нельзя. Ну, опять дракой кончилось. Подрались, наревелись, подошли еще раз посмотреть на пенек, да на каменную дорожку, а ничего не оказалось. Пень, как пень, а никаких камней, ни золотых, ни простых, вовсе нет. Ребята и судят:

— Обман один, эта змейка. Никогда больше думать о ней не будем.

Пришли домой, там им за штаны попало. Матери отмутузили того и другого, а сами дивятся:

— Как-то им пособит и вымазаться на один лад! Одна штанина в глине, другая — в дегтю! Ухитриться тоже надо.

Ребята после этого вовсе на голубую змейку осердились.

— Не будем о ней говорить!

И слово свое твердо держали. С той поры у них и разговору о голубой змейке не было. Даже в то место, где ее видели, ходить перестали.

Раз ребята ходили за ягодами. Набрали по полной корзиночке, вышли на покосное место и сели тут отдохнуть. Сидят в густой траве, разговаривают, у кого больше набрано, да у кого ягоды крупнее. Ни тот, ни другой о голубой змейке и не подумал.

Только видят, — прямо к ним через покосную лужайку идет женщина. Ребята сперва этого в примету не взяли. Мало ли женщин в лесу в эту пору: кто за ягодами, кто по покосным делам. Одно показалось им не привычным: идет как плывет, совсем легко. Поближе подходить стала, ребята разглядели, — ни один цветок, ни одна травичка под ней не согнутся. И то углядели, что с правой стороны от нее золотое облачко колышется, а с левой — черное. Ребята и уговорились:

— Отвернемся. Не будем смотреть! А то опять до драки доведет.

Так и сделали. Повернулись спинами к женщине, сидят и глаза зажмурили. Вдруг их подняло. Открыли глаза, видят — сидят на том же месте, только примятая трава поднялась, а кругом два широких обруча, один золотой, другой чернокаменный. Видно, женщина обошла их кругом да из рукавов и насыпала. Ребята кинулись бежать, да золотой обруч не пускает: как перешагивать, — он и поднимется и поднырнуть тоже не дает. Женщина смеется:

— Из моих кругов никто не выйдет, если сама не уберу.

Тут Лейко с Ланком взмолились:

— Тетенька, мы тебя не звали.

— А я, — отвечает, — сама пришла поглядеть на охотников добыть золото без работы.

Ребята просят:

— Отпусти, тетенька, мы больше не будем. И без того мы два раза подрались из-за тебя!

— Не всякая, —говорит, — драка человеку в покор, за иную и наградить можно. Вы по-хорошему дрались. Не из-за корысти, либо жадности, а друг дружку охраняли. Недаром золотым обручом от черной беды вас отгородила. Хочу еще испытать.

Насыпала из правого рукава золотого песку, из левого черной пыли, смешала на ладони, и стала у нее плитка черно-золотого камня. Женщина эту плитку прочертила ногтем, и она рассыпалась на две ровненькие половинки. Женщина подала половинки ребятам и говорит:

— Если который хорошее другому задумает, у того плиточка золотой станет, коли пустяк, выйдет бросовый камешок.

У ребят давно на совести лежало, что они Марьюшку сильно обидели. Она хоть с той поры ничего им не говаривала, а ребята видели, — стала она вовсе невеселая. Теперь ребята про это вспомнили, и каждый пожелал:

— Хоть бы поскорее прозвище «Голубкова невеста» забылось и вышла бы Марьюшка замуж.

Пожелали так, и плиточки у обоих стали золотые. Женщина улыбнулась.

— Хорошо подумали. Вот вам за это награда.

И подает им по маленькому кожаному кошельку с ременной завязкой.

— Тут, — говорит, — золотой песок. Если большие станут спрашивать, где взяли, скажите прямо: «Голубая змейка дала, да больше ходить за этим не велела». Не посмеют дальше разузнавать.

Поставила женщина обручи на ребро, облокотилась на золотой правой рукой, на черный — левой и покатила по покосной лужайке. Ребята глядят, — не женщина это, а голубая змейка, и обручи в пыль перешли. Правый — в золотую, левый — в черную.

Постояли ребята, запрятали свои золотые плиточки, да кошелечки по карманам и пошли домой. Только Ланко промолвил:

— Не жирно все-таки отвалила нам золотого песку.

Лейко на это и говорит:

— Столько, видно, заслужили.

Дорогой Лейко чует, — сильно потяжелело у него в кармане. Еле вытащил свой кошелек, — до того он вырос. Спрашивает у Ланка:

— У тебя тоже кошелек вырос?

— Нет, отвечает, такой же, как был.

Лейку неловко показалось перед дружком, что песку у них не поровну, он и говорит:

— Давай, отсыплю тебе:

— Ну, что ж, — отвечает, — отсыпь, если не жалко.

Сели ребята близ дороги, развязали свои кошельки, хотели выровнять, да не вышло. Возьмет Лейко из своего кошелька в горсточку золотого песку, а он в черную пыль перекинется. Ланко тогда и говорит:

— Может, все то опять обман.

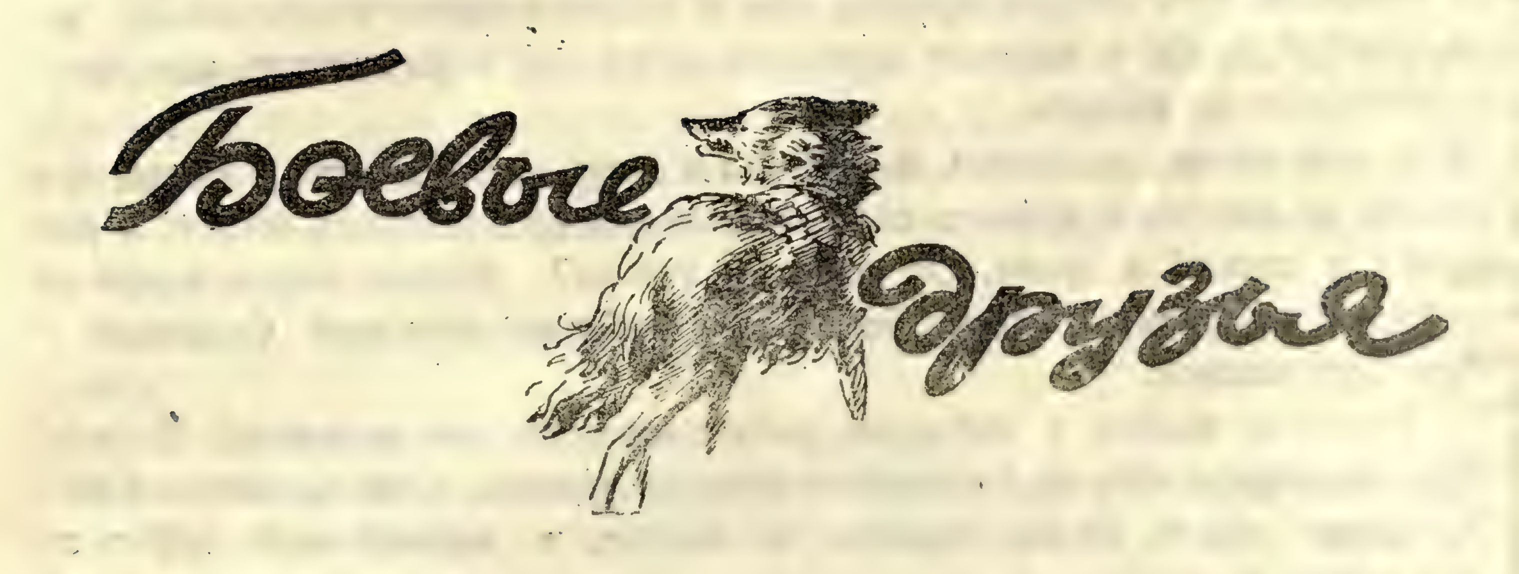
Взял щепотку из своего кошелечка. Песок, как песок, настоящий золотой. Высыпал щепотку Лейку в кошелек — перемены не вышло. Тогда Ланко и понял: обделила его голубая змейка за то, что пожад-

ничал на даровщинку. Сказал об этом Лейку, и кошелек на глазах стал прибывать. Домой пришли оба с полнехонькими кошельками, отдали свой песок и золотые плиточки семейным и рассказали, как голубая змейка им велела.

Все, понятно, радуются, а у Лейка в доме еще новость: к Марьюшке приехали сваты из другого села. Марьюшка веселехонька бегает, и рот у ней в полной исправе. От радости, что ли? Жених, верно, какой-то чубарый волосом, а парень веселый, к ребятам ласковый. Скоренько с ним сдружились.

Голубую змейку с той поры ребята никогда не вызывали. Поняли, что она сама с наградой прикатит, если заслужишь и оба удачливы в своих делах были. Видно, помнила и змейка, и черный свой обруч от них золотым отделяла.

Художник О. Коровин

В. Великанов

ВЕРНЫЙ ТОВАРИЩ

Я знаю много примеров собачьей верности и дружбы собаки с человеком, но один случай особенно запал мне в душу и при воспоминании о нем меня охватывает грусть.

Это было на фронте.

Однажды в какой-то сожженной деревушке к нам пристал пес — черный, с желтыми надглазниками, лохматый и грязный. Был у нас тогда в роте замечательный пулеметчик — татарин Абдулла Рафиков, тихий такой, малоразговорчивый, но очень смелый в бою и сердечный к товарищам.

Так вот этот Абдулла приласкал беспризорную собаку, накормил ее супом с хлебом и даже вымыл в реке. Довольный пес встряхивался от воды, чихал, доверчиво смотрел на свою заботливую няньку и от прилива чувства благодарности лизал Рафикову руки.

А мы смеялись:

— Ну, псиная образина, тебе такой уход, наверно, и во сне не снился.

И все мы очень полюбили этого простого, нашего русского пса, который чем-то напоминал нам мирную сельскую жизнь в родном доме. На фронте это часто бывало: таскают солдаты за собой то собаку, то жеребенка и в минуты отдыха от боев и походов играют с ними, ласкают и балуют. Видно, без сердечной ласки трудно человеку жить, и в суровой военной обстановке, она до странной нежности проявлялась к животным.

Назвали мы приблудного пса «Дружком».

Быстро свыкся пес со своим новым положением, обжился в роте и всех бойцов роты знал в лицо, но главным его хозяином заслуженно считался Абдулла Рафиков.

И Дружок почти не отходил от него.

Но вот как-то раз командир роты и говорит Рафикову:

— Что он у нас даром хлеб ест. Ты бы его научил чему-нибудь полезному. Пусть службу несет.

И Рафиков стал обучать Дружка военному делу.

Начал он с простого: обмотает тело Дружка пулеметной лентой и ходит пес за ним, носит патроны. А потом стал обучать переползанию. Бросит кусок мяса на землю и ползет к нему сам на животе, а рядом с собой положит Дружка и, прижимая его спину рукой, говорит строго:

— Ползи... ползи...

Пес сначала вскакивал и жадно хватал мясо, но жестокий дрессировщик выдергивал уже ослюненный кусок из зубов своего любимца и настойчиво заставлял его ползти.

Недоверчиво смотрели мы на эти уроки и смеялись над своим товарищем:

— Брось, Абдулла, с ним возиться. Это же простой дворняга — ничего из него не получится. В деревне он только лает да детей пугает.

А Рафиков упорно стоял на своем:

— Постой немного. Он ученый будет.

И так и вышло.

Смотрим, через некоторое время ползать стал Дружок и по одной только команде «ползи». Проползет немного и сразу же получает от хозяина награду — кусок мяса или сахар.

И боевую службу стал нести.

Бывали такие случаи: окопавшись на высотке, сидит Абдулла с другими пулеметчиками и сыплет из пулемета по врагу, а недалеко в овраге — патронный пункт и там Дружок. Лежит, весь опутанный пулеметной лентой, и дрожит, нервничает. И вот в самый разгар боя, когда патроны у пулеметчиков на исходе, а поднести к ним из-за сильного огня противника трудно — посылают Дружка. Получив приказание «ползи», он нетерпеливо срывается с места, бежит немного, а попав в зону огня, — падает на живот, прижимается плотно к земле, вытягивается и ползет.

Пули кругом него свистят, иногда мины рвутся, а он продвигается все вперед и вперед. Временами от страха закрывает глаза и жалобно и злобно скулит...

Снимут с него пулеметчики ленту с патронами и посылают обратно.

А после боя каждый старался чем-нибудь да угостить Дружка. Завели ему специальный котелок и варили конину. Нашлись и такие, что пытались научить его пить водку и курить, но из этой затеи ничего не-

вышло. Дружок не выносил ни вина, ни табачного дыма, а Рафиков обижался на товарищей и ругался:

— Не надо портить собаку. Кобель чистый должен быть... А то слушаться не будет...

Все мы очень довольны были и службой и дружбой этой верной собаки, но на войне часто теряем мы вдруг то, что нам очень дорого и чего мы не хотим терять...

Однажды во время боя подполз Дружок с патронами к Абдулле, и в это время недалеко разорвалась мина. Рафиков будто нехотя отвалился в сторону от пулемета, и пулемет замолк. Пес вскочил на ноги и хотел подбежать к своему хозяину, но в это время вражеская пуля пронзила ему заднюю ногу. Дружок визгливо скульнул и завертелся волчком на месте, рыча и хватаясь зубами за рану, словно желая вырвать раскаленную иглу, что обожгла ногу.

После успешной атаки мы поднялись на высотку, где было пулеметное гнездо Рафикова. В окопчике навзничь лежал наш славный пулеметчик, а рядом с ним его верный боевой друг. Положив на грудь своего хозяина обе передние лапы, он облизывал окровавленный лоб Абдуллы и жалобно скулил.

С большой печалью мы похоронили своего боевого товарища на опушке рощи, недалеко от деревни Голубочки. На могиле его водрузили маленький деревянный памятник, который покрасили охрой и написали на нем: «Погиб смертью храбрых пулеметчик Абдулла Рафиков, год рождения 1922».

А Дружку перевязали раненую ногу и положили в повозку.

Ночью мы выехали из деревни и к утру, проехав километров десять, вдруг заметили, что Дружка в повозке нет. И куда он делся — никто не знал.

Дня через два с боем мы снова заняли деревню Голубочки и пошли на могилу Рафикова. Придя на опушку леса, мы увидели печальную картину: надмогильный деревянный памятник выворочен и разбит, а у могилы лежит наш Дружок с простреленной головой.

От местных жителей мы узнали вот что.

После нашего ухода из деревни в нее вошли немцы и один немецкий автоматчик, проходя через опушку леса, увидел могилу Рафикова. Он подошел к ней и с силой ударил ногой по деревянному памятнику. В это время из-за дерева на него набросилась хромая черная собака и вцепилась ему зубами в ногу. Немец сначала испугался, закричал, а потом, видимо, пришел в себя, оттолкнул собаку прочь и прострочил ее автоматной очередью...

Так была оборвана жизнь верного пса — нашего боевого товарища.

И мы закопали его тут же под деревом, вблизи могилы его хозяина — славного пулеметчика Абдуллы Рафикова.

НОЧЬЮ

Когда отделение конных разведчиков достигло поселка Грабово, лейтенант Котов написал при лунном свете боевое донесение и, вручая его разведчику Орлову, шопотом приказал:

— Доставьте начальнику штаба в поселок Рудня. Время на исполнение — два часа. Путь движения — правее шоссе, через лес. Помните, мы находимся в глубине росположения противника. При встрече с ним в бой не вступать: дополнительно разведать и обойти его...

Орлов повторил приказание, ловко вскочил в седло и почти бесшумно нырнул меж сосен. Густой сосновый лес словно проглотил его. Только раз негромко хрустнула под ногами коня сухая веточка, будто переломилась мелкая кость, и потом все стихло.

Лунная белизна кое-где прорывалась меж деревьев и падала на землю яркими зайчиками. Орлов правил по темным местам, и мышастое тело Налета почти сливалось с лесными тенями. Блестящие стремена и пряжки уздечки были тщательно забинтованы зелеными тряпками. Двигался легкой рысью, осторожно присматриваясь к кустам и деревьям... Земля местами покрыта тонкой ледяной корочкой, как слюдой, и эта слюда хрустит под ногами коня, раздражает ненужным шумом.

Проехав с полчаса, всадник очутился на опушке леса. Впереди широкая болотистая луговина. Продвигаться дальше нельзя — утопишь коня. Орлов свернул налево и в это время услышал невдалеке говор. Круто придержав коня, настороженно прислушался.

«Откуда говор?.. Слева, метров за сто... Кто?.. На каком языке говорят?.. Не разберешь... Но вероятнее всего — противник».

Сначала Орлов хотел повернуть назад и ускакать, объехать где-нибудь болотом правее и следовать дальше, в поселок Рудня. Но потом он мгновенно передумал: «Надо разведать — кто, куда направляется, сколько их...»

Орлов быстро свернул на опушку, где кустились молодые елочки, и потянул правый повод, приговаривая при этом тихо, но властно:

— Ложись... ложись...

Тонкая шея Налета эластично изогнулась полукольцом вправо, он слегка присел и медленно повалился на левый бок. Откинув голову, распластался на сыроватой земле и глубоко, с каким-то внутренним стоном, вздохнул.

Орлов прилег грудью на теплую шею боевого товарища и, держа в руках автомат, слегка раздвинул колючие ветки елочек. Теперь он скрыт. Могут пройти совсем близко и не заметить. Только б Налет лежал спокойно. А конь от непривычного положения тяжело дышал, но был неподвижен, как убитый.

Говор приближался, и уже Орлов различал отдельные немецкие слова. Казалось, люди идут прямо на него. Орлов почувствовал бие-

ние своего сердца и странную скованность рук, которые цепко вросли в автомат.

Вот они уже видны — восемь всадников. Остановились. Один из них вынул из сумки карту и начал водить по ней тонким пучком света электрофонарика. В этот момент одна из лошадей противника вдруг громко заржала и ржание ее раскатилось по лесу звонким призывом. Налет вздрогнул, и Орлов испуганно заметил, как он напрягся всем телом, чтобы дать ответ. Орлов судорожно вцепился рукой в верхнюю губу Налета и умоляюще прошептал: «Тихо... тихо...» Налет глубоко вздохнул и успокоился. Этим вздохом он будто хотел показать, что хотя ему и очень хочется заржать, но он подчиняется воле хозяина.

Наблюдая за противником, Орлов заметил, что к первой группе приближается вторая — тоже семь-восемь всадников. Затем всадник, который смотрел на карту, указал по тому направлению, где лежал Орлов, и что-то сказал.

«Нарвался — подумал Орлов — надо было ускакать, объехать. А теперь уже поздно...»

И он тревожно прощупал на груди донесение.

В это время два всадника отделились от группы и спокойно шагом двинулись прямо на Орлова.

«Видно, ориентировку потеряли... Дорогу ищут» — подумал Орлов и взвел автомат.

Когда два всадника приблизились к Орлову метров на пятнадцать, он нажал спусковой крючок автомата и по лесу раскололась дробная очередь выстрелов. Один из всадников вместе с лошадью рухнул на землю, а лошадь другого встала на дыбы и рванулась назад — всадник вылетел из седла...

Орлов дернул Налета поводом, прыгнул в седло и, ужом лавируя меж сосен, поскакал в лесную темноту.

Того и гляди разобьешь голову, а сзади слышен крик и беспорядочная стрельба...

«Только б теперь ускакать... донесение доставить...» — тревожно думает Орлов.

Но слышит — сзади скачут и кричат: «Хальт». Обернулся — не видно. Лес редеет, и вдруг Орлов вылетает на простор, но впереди ров шириною метров шесть, а справа и слева — болото. Выхода нет. Надо брать препятствие. Возьмет ли только Налет... А конь широким карьером смело несется вперед. Вот он уже видит ров и не сбавляет ходу, а, наоборот, набирает и скорости и силы. Орлов отдает повод и пришпоривает коня. Налет мгновенно упруго весь сжимается и пружиной огромной силы делает рывок вперед и вверх через ров...

Когда Налет, как сказочный Конек-Горбунок, перенес своего хозяина через страшный ров, Орлов оглянулся. Несколько всадников подскакали ко рву и круто затормозили. Они что-то закричали и дали вслед Орлову несколько автоматных очередей. Орлов почувствовал — будто обожгло

ему левую ногу в бедре, а когда проскакал дальше и въехал в лес, во всем теле разлилась странная теплота и слабость. Опасаясь погони, он проехал еще лесом и когда убедился, что оторвался от противника, решил сделать себе перевязку. Слезая с седла, он невольно застонал от резкой боли в ноге, покачнулся и упал на землю, потеряв сознание. Налет пытливо покосил на него глазом, испуганно храпнул и отошел в сторону.

Когда человек теряет сознание и затем приходит в себя, то он теряет ориентировку во времени.

Прошло всего несколько минут и Орлов очнулся, а ему показалось, что прошло очень много времени. Он торопливо прощупал грудь — донесение здесь. Кругом тишина. Никого нет. Только где-то далеко-далеко ухнул взрыв и еле слышен воркующий гул самолета. Он взглянул в просвет деревьев: белая, лунная полоса света и звезды ярко мерцают. Значит еще ночь. Но надо торопиться, а то скоро рассвет и тогда не доберешься до своих. А где Налет?.. Оглянулся по сторонам — не видно. Хотел приподняться, но от резкой боли в ноге и изнуряющей слабости во всем теле — не мог. Очень хочется пить и лечь в тепле, чтобы не шевелить ни ногами, ни руками. От сырого холода тело охватывает мелкая дрожь. Хочется спать. Наложить бы повязку, но индивидуальный пакет в переметной суме седла. Надо позвать Налета свистом, как это он делал раньше и всякий раз награждал его сахаром, когда конь с легким ржанием приходил на зов хозяина. Он где-нибудь здесь, неподалеку. Орлов вложил два пальца в рот и тихо свистнул. Прислушался — нет, не отвечает.

Еще раз свистнул посильнее и услышал в ответ справа сдержанное, вполголоса, ржание. Он! Вот треснул сломанный сук и из лесных теней показался Налет. Повод волочился по земле. Подойдя к своему хозяину, он ткнулся ему в ладонь и зашевелил мягкими губами. Орлов расстрогался: «Ах, ты дурачок... Нет у меня ничего сейчас... Что ты не видишь что ли?..»

И конь будто понял его. Поднял голову и нетерпеливо стал копать передней ногой землю. Он всегда это делал, когда нервничал.

Орлов еще раз попытался подняться, но не смог. Как же залезть в седло?.. Он вдруг вспомнил как учил вначале своего коня ложиться: поднимал ему левую переднюю ногу и, потягивая за правый повод, укладывал на землю. Орлов подвинулся к коню и взял его левую ногу за щетку. Конь послушно согнул ногу в запястном суставе, но стоял неподвижно и так смотрел на своего хозяина, словно не понимал его желания. Тогда Орлов потянул за повод вниз и строго приказал:

— Ложись... ложись...

О, это слово достаточно хорошо знал Налет. Он посмотрел на землю, как будто примеряясь где бы лечь, чтобы не задавить человека и затем, приседая, осторожно повалился на левый бок. Седло оказалось рядом с Орловым. Превозмогая боль в ноге, он торопливо вполз на

коня и, крепко схватившись за переднюю луку седла, шевельнул Налета. Конь встал.

Орлов посмотрел на небо, ориентировался по звездам и тронул коня...

Рассветало. Молочный туман заливал лощины и создавал плохую видимость. Дозорные — конники Пухов и Ведерников, находясь в укрытии на опушке леса, увидели странного всадника, выезжавшего из леса. Конь шел без управления, повод уздечки волочился по земле и, чтобы не наступать на него, конь отводил голову в сторону и шел немного боком. А всадник без головного убора лежал грудью на передней луке, прильнув лицом к шее коня и судорожно вцепившись руками в гриву...

Когда сняли Орлова с седла, он был в полубессознательном состоянии. А потом, выпив стакан вина, он немного оживился и, при отправке его в санчасть, умоляюще просил своего командира взвода:

— Налета никому не отдавайте... Я вернусь скоро...

НА ПАРОВОЗЕ

Юрий Хазанович

Костя Лысцов, размахивая белым квадратным листом бумаги, мчался по деповскому двору к нарядчику, что составляет паровозные бригады. На этом листе, в углу синим карандашом было написано, что он, Костя Лысцов, с сегодняшнего дня зачисляется поездным кочегаром.

Теперь Костя паровозник... Весь род у него был такой. Дед объездил не только Урал, — весь свет, даже до самой Москвы поезда водил. А про отца и говорить нечего. Отец брал Костю на паровоз, и не один раз. Теперь Костя был бы у него подручным, да отец умер перед самой войной. Но как он пожил! Чего ни увидел на веку, где не побывал!

Нарядчиком оказалась широколицая курносая девочка с тонкими желтыми косичками. Она записывала что-то в толстющую книгу, потом лениво развернула костины бумаги и, ни разу не взглянув на него, стала читать.

«Важная, — подумал Костя, — вроде нарком всех железных дорог...»

— Сколько тебе лет? — вдруг спросила нарядчица, не отрываясь от бумаг.

Костя вскипел. Он чуть было не крикнул.

— Ах ты, какая... Кочегару, значит, можно «ты» говорить?..

Но он сказал:

— Там ясно записано... — и обиженно отошел от стола.

А нарядчица усмехнулась, медленно подошла к черной доске и написала мелом в узкой клеточке: «Лысцов К.» Она вывела это так старательно и красиво, что у Кости вся злоба на нее как-то сразу пропала, и он подумал, что нарядчица вовсе не такая курносая, как показалось в первую минуту.

Домой он шел гордый и веселый. Прохожие, почему-то смотрели на него, будто они тоже видели ту доску, где среди имен всех паровозников поселка теперь стояло и его имя.

Дорога лежала через станцию. Как можно пройти мимо и не прогуляться по перрону! Костя всегда разгуливал здесь, сколько хотел и никто никогда не спрашивал у него билета. Железнодорожники — народ приметливый, они видят, где пассажир, а где свой работник.

На станции было суетливо и шумно. Поезда приходили, уходили с пушками, с танками, людьми... Костя вспомнил, что сегодня в первый раз выйдет на смену, и ему стало страшно. Пришли вдруг на память случаи, о которых рассказывали товарищи, когда машинисты после первой же поездки требовали сменить кочегара. Кто знает, может быть, и он не справится?..

Вечером мать принялась снаряжать Костю в дорогу. Пока он вытирал толстым полотняным полотенцем раскрасневшиеся щеки с золотистым пушком, мать принесла засаленные штаны, перешитые из отцовских, вылинявшую косоворотку с заплатами на локтях, и стала доказывать, что новые вещи следует беречь, что для дороги будет хорош и этот костюм. А Костя и не думал возражать. Он знал, что в поношеном, видавшем виды костюме он будет похож на настоящего паровозника, и многие не узнают в нем новичка.

Затем мать принесла из кухни сундучок и, откатив скатерть, поставила его на стол.

Это был железный сундучок, какой можно увидеть у каждого паровозника, — поцарапанный, побитый, с облупившейся зеленой краской, — самый обыкновенный сундучок, один из тех, которые когда-то прозвали «шарманками». И, все-таки, это был не простой сундучок. С этим сундучком дед проездил всю жизнь, отец не разлучался с ним целых тридцать семь курьерских лет. Сундучки эти удивительно похожи друг на друга, словно делал их один мастер, только запираются они по разному: гвоздиком, проволокой или бичевкой. А этот — медным, почти игрушечным замком — отец любил порядок.

Мать положила кусок хлеба, ломтик жареного мяса в консервной банке, чистое полотенце и простое мыло, завернутое в газету. Она делала это медленно и как-то осторожно, точно сундучок был стеклянный и она боялась его разбить.

Костя нетерпеливо следил за ее руками. Он знал, о чем думает мать в эти минуты и не решался перебить ее мысли. «Вот пришло время и сына провожать, думала она. — За ним еще материнский глаз нужен, а он на дорогу выходит... Не дождал отец радости»...

Хотя кочегар — не такая уж большая персона, но без кочегара не уйдет поезд. нужно торопиться. Мать заметила его нетерпенье, замкнула сундучок, отошла от стола.

— Иди, иди уже поздно — неожиданно строго сказала она и почему-то отвернулась. — Только правой ногой порог переступай. И не смейся. Сделай для матери уважение...

Это чтобы все было в порядке, чтобы с ним ничего плохого не приключилось в пути. Что поделаешь? Костя правой ногой переступил через

порог и вышел на улицу. В такую пору никого не встретишь, а было бы это днем, — соседи, приятели провожали бы его, кое-кто даже позавидовал бы. Что они увидят на этой куцой пыльной уличке? А он будет лететь на паровозе просторными степями, через густые темные леса, над быстрыми уральскими реками, мимо деревень и больших городов, уж повидает свет...

Заложив два пальца в рот, Костя свистнул, и в тот же миг вся улица огласилась собачьим лаем.

Но, когда впереди в ярком свете прожекторов показалось круглое приземистое депо, похожее на цирк, Костя почувствовал, как забилось у него сердце и сундучок сделался таким тяжелым, будто в нем лежал кусок чугуна.

Возле «брехаловки» — деревянного домика, где перед отъездом коротают время паровозные бригады, — он постоял недолго, потом выругал себя за трусость и решительно распахнул дверь.

— Так что кочегар Лысцов вышел на смену... — громко отрапортовал Костя, подойдя к дежурному. Ему показалось, что это говорит не он, а кто-то другой где-то очень далеко.

— Петр Денисович, ваш кочегар, — сонно проговорил дежурный.

На скамейке сидели двое: сухой старик с короткими усами и острой серой бородкой, — Костя сразу решил: машинист, — и молодой толстый и рыжий парень с зеленоватыми насмешливыми глазами, — наверно, помощник.

Старик разгладил усы и протянул Косте руку, как взрослому: по всему было видно, что это очень приятный человек. А помощник не понравился Косте, недаром говорят, что все рыжие — злые и вредные...

— Я тебя знаю, — обратился к Косте машинист и лукаво прищурился.

Костя был удивлен.

— Знаю, — усмехнулся старик. — На праздники, не вспомню только, какие, гуляли мы с Иваном Тимофеичем, покойником. Он тебя за руку вел, а ты своей дудкой просвистел нам уши...

Косте стало досадно, что машинист помнит его таким маленьким и глупым, и он, словно оправдываясь, проговорил смущенно:

— Так это ведь давным-давно было...

Петр Денисович набил трубку крупным зеленоватым самосадом и закурил.

— Теперь и ехать можно, — весело сказал он. — Не боишься?

Это был обидный вопрос для кочегара, но Костя решил не обижаться: трусливых ребят порядочно, а машинист не мог знать, что Костя давно уже ничего не боится. Правда, пройти ночью по кладбищу он еще не решается, но к паровозной службе это не имеет никакого отношения. И Костя кивнул машинисту: чего, мол, бояться?

— А веревку не забыл, парень? — спросил старик.

Костя растерялся. Он впервые слышал, чтобы паровозники, выходя на смену, брали с собой какие-то веревки.

— Знаешь, на каких скоростях мы ездим? — вмешался рыжий помощник. — Не привяжешь себя, — вылетишь с паровоза, как уголек!

Теперь Косте было ясно, что они задумали его напугать. Слыханное ли дело, чтобы человека ветром с паровоза сдуло? Все же он сказал не очень твердо:

— Может, не слечу...

Помощник отвернулся; плечи у него часто затряслись, а у Петра Денисовича задергались усы. Костя тоже попробовал улыбнуться, но улыбки не вышло: губы почему-то слиплись, в глазах помутнело, не то от слез, не то просто в комнате было сильно накурено.

На машиниста Костя не рассердился, но к рыжему толстяку почувствовал жгучую неприязнь.

Машинист, посасывая дымную трубку, поднялся, взял свой сундучок. У двери он хлопнул Костю по плечу и тихо сказал:

— Не бойся, не слетишь. На батю будешь похожий, никогда не слетишь...

И они пошли.

Тому, кто никогда не бывал на паровозе, сначала душно, тесно и страшновато. Пламя гудит, завывает, ни до чего не дотронься, от всего пышет бешеным жаром. Но Костя два раза был с отцом в дальних поездках, и все это не было для него новинкой. Его не пугало и множество всевозможных краников, ручек, вентильков: он облазил всякие паровозы, эховские, кукушки, щуки и знал, что к чему. Кочегар все должен знать. Есть, правда, люди, считающие, что кочегар на паровозе это — замурзанный паренек и только. Копайся на тендере и наука вся. Но эти люди многого не понимают... Хлопот у кочегара не меньше, чем у самого машиниста: в лотке чтобы постоянно был уголь, по отметкам сосчитай, сколько сожгли, про воду не забудь. Да разве это все?

Вот простая задача: взять в одну руку масленку и спуститься с паровоза на землю. Пустое дело, а нужно уметь. Костя все-таки сорвался и повис на руке, но к счастью, этого никто не заметил. Придумал же кто-то такие узкие и крутые ступеньки.

Между тем, терпенье костино подходило к концу. Машинист с помощником все ходят вокруг паровоза, где ключом постучат, где посмотрят, где рукой потрогают. Этак можно всю ночь проходить и с места не двинуться!

Наконец, потушили факел, взобрались на паровоз. Помощник начал складывать инструмент, а Костя вылез на тендер, плюнул на ладони, как это делают дроворубы и землекопы, и взял лопату.

В темноте медным басом запел рожок, и паровоз, словно очнувшись, испуганно свистнул на весь свет, вздрогнул и пошел. Уголь вдруг посы-

пался из-под ног, Костя провалился, сел и засмеялся: значит, машинист был прав, спрашивая про веревку...

Когда Костя поднялся, мимо паровоза уже проплыл домик, где собираются бригады, совсем маленький, с мутножелтыми окнами. Потом промелькнули высокие прожекторные мачты с переплетами, тонкими, как паутина. Становилось темнее кругом. Депо осталось позади. Теперь оно было похоже на большой черный курган. Там вспыхивало часто и угасало ослепительно-голубое трепещущее сияние сварки, а издали казалось, будто над курганом лютует гроза.

Навстречу паровозу, точно светлячки, летели веселые огоньки стрелок. На тендере поднялся ветер; у кочегара слезились глаза.

Помощник машиниста открыл дверцу топки, и солнечный жар ослепил Костю. Толстый неповоротливый помощник ловко и метко попадал лопатой в узкое горло топки; уголь рассыпался полукругом и падал густым черным дождем.

Костя завистливо смотрел на помощника, потом стал проворно орудовать лопатой, подгребая уголь к лотку.

В это время внизу глухо и пусто загрохотал разъезд, и Костя понял, что паровоз идет на Сортировку. Там его прицепят к поезду, они укатят отсюда, и утром будут уже где-то далеко.

Понятно, до фронта не доберешься, и за одну ночь Урал не проедешь, но все-таки, — новые края, не то, что сидеть в поселке...

Ветер хотел сорвать с Кости рубашку. Костя вытер влажный лоб, оглянулся. Паровоз подходил к Сортировке: на синем небе вырисовывалась эстакада — черное чудовище с высоко задранной головой.

Через несколько минут паровоз подкатил к эшелону. Теперь Костя мог сказать, что и он воюет, потому что это был не какой-нибудь «дачный» поезд. Это был настоящий военный эшелон; на платформах притаились пушки, грузно лежали танки, и над всем этим возвышался лес оглобель армейских двуколок.

Костя стоял, опершись на лопату и вдруг увидел: Петр Денисович и помощник поглядывают из будки на тендер.

Только теперь он понял, что горланит какую-то песню и умолк. Машинист поманил его пальцем и Костя пошел к нему.

— Почему замолчал? — спросил машинист. — В наших краях соловей редко поет...

Костя молчал. А помощник взял его за руку, спросил, не устал ли он, и посоветовал:

— Отдохни, успеется...

Костя примостился в будке на железном ящике. Здесь было тепло, не то, что на тендере. Вверху, у манометра качался желтый фонарик, и вся будка качалась, как люлька, и где-то страшно далеко ревел паровоз.

— Спишь? — над самым ухом кричал помощник.

Костя вскочил с ящика. Неужели спал?

— А там бегунки в тендер попали, — сердито орал помощник. — Что ж теперь?

Костя бросился на тендер и тут смекнул: как же бегунки, — передние колеса паровоза, — могут попасть в тендер!

В будку было стыдно заглянуть. Что они думают о нем? Известно: вот это работяга! Герой!

Матери он скажет, конечно, что ночь прошла на красоту, что он даже не вздремнул ни на минутку... Но нарядчица... Она узнает. Если не машинист, то рыжий кому-нибудь расскажет и до нее дойдет слава о новичке, и когда Костя придет за маршрутом, она усмехнется и скажет:

— А, Лысцов... Это тот, что бегунки на тендере искал? Знаю, знаю.

Ради такого интереса она и книги свои отложит. А если бы ее разбудить среди ночи и сказать, что возле депо упал кусок неба, — разве не поверила бы? Еще и закричала бы с перепугу! Но что он скажет друзьям, которые будут расспрашивать о поездке, о новых местах? Он ведь ничего не видел, все проспал.

Костя отчаянно швырял уголь в лоток, долго швырял, потом заметил: звезд уже нет, небо стало высоким, ясным, поднималось солнце, и на медный свисток невозможно было смотреть, как на вольтову дугу.

Машинист вышел на тендер, они вместе подсчитали, сколько сожгли угля, и получилось, что есть экономия. Про ночь машинист даже не намекнул, и Костя был благодарен ему за это. Но он все равно докажет, приложит все силы, а докажет какой он паровозник. Привыкнет, не будет топтаться на месте. Научится топить, сигналы запомнит, — переведут в помощники, а там, глядишь, получит права управления, купит хорошие сапоги, черную тужурку с блестящими пуговицами. Мать отдаст ему навсегда отцовские часы с толстой белой цепочкой. Он будет водить поезда, быстрые, — ветру не догнать. Пусть попадет на тот паровоз рыжий помощник, — не придется ли ему привязываться веревочкой?

Вдруг Костя увидел черное чудовище эстакады. И в ту же минуту Петр Денисович сказал:

— Ну, собирайся, приехали...

Оказалось, они были на той же Сортировке, где поезд маневрировал всю ночь.

Рассказ землемера

А. Крутиков

Двадцать лет назад я работал за Камышловом, в селе Заозерье. Здесь Урал еле обозначается: синеватая волнистость на западе то видна, то пропадет. К востоку — ширь и гладь. Частые озера, камыши по речкам, много дичи. Простор, приволье.

Село Заозерье тянется вдоль берега чуть не на два километра. По другую сторону села — обширные поля, луга, выгоны. За ними густой сосновый лес.

Тихое было место. Тихое и лето: без гроз, без ливней, с редкими дождями, частыми солнечными днями. В такое лето снимать мензулой открытую местность — одно удовольствие. Подвода редко требовалась, приятней было ходить.

Я обзавелся постоянными рабочими. Мужчин было всего двое: один для прочистки просек, другой — для ношения мензулы. Остальные четверо — подростки. Держать рейку, бегать с вешкой, мерять лентой — могут и четырнадцатилетние. Такие даже лучше — легче на ногу. Интерес к инструментам и съемке, разные приключения во время работы — увлекали их.

Живая, худощавая и большеглазая девочка Анка заинтересовала меня с самого начала.

Красный платок над лбом торчал далеко вперед, сидел косо. За концы его ниже подбородка она то и дело тянула, так что брала боязнь: а вдруг задавится. На работу являлась по всем правилам: в сапогах, рукавицах-портяницах, с топором. В прохладные дни поверх пестрядевого платья надевала кафтан со сборками сзади. В таком наряде Анка выглядела не уродливо, а даже красиво.

Помню, в первый день я сказал ей:

— Оставила бы топор-то дома, не по тебе он.

— Что ты! Я ведь ловкая — ответила она просто.

Это она сразу же доказала: при прочистке линии срубила толстую сосну минут за пять. Вешки вырубала одной рукой. Только одного не умела: носить топор за поясом.

Но выгодней было посылать Анку с рейкой по пикетам. Я наводил зрительную трубу мензулы на красный платок — и рейка оказывалась в поле зрения. Пикетов десять с одной станции, столько же с другой — за день несколько сот. И каждый раз видишь Анку, ее торчащий углом платок, сжатые губы, обращенный ко мне серьезный взгляд больших глаз...

Когда надо было нанести на планшет характерную точку ситуации или рельефа, редко кто понимал — куда ставить рейку. Приходилось реечнику кричать, махать руками, посылать разъяснить или вызывать к себе и растолковывать. Анка догадывалась сама. Все однажды усвоенное она запоминала надолго.

Худоба не мешала Анке быть сильной. Когда рабочие были заняты прочисткой просек, она одна переносила мензулу на следующую стоянку. Это не шутка: мензула весила около двадцати килограммов.

— Упадешь, Анка, надсадишься, — отговаривал я ее.

— Ничего, я ловкая.

Однажды Анка растянулась, да еще на ровном месте и без ноши: с ней был только топор.

— Ах, я растяпа, — ругала она себя.

— А говоришь: ловкая, — поддразнил я ее.

— Знамо ловкая, когда высплюсь. А когда не высплюсь, как есть растяпа.

И верно: со сном у Анки было неладно. Когда она ходила с задней вешкой нередко приходилось ей кричать, а то и посылать за ней. Анку находили спящей. Иные дни ей особенно было плохо. Где бы свободная минута не выкроилась: у вешки, с лентой, даже близ мензулы — она норовила прикорнуть. Иногда сон схватывал Анку совсем некстати. Присев на корточки и прислонив рейку к себе, она сразу засыпала. Рейка качалась, а то и падала.

— Придется отказать тебе, Анка, — предупредил я.

Затягивая узел платка, до невозможности туго и смотря в землю, она отвечала:

— Коли есть, кто ловчей...

Видно было, что уходить ей не хотелось. Еще больше мне не хотелось ее отпускать. Я не представлял: как буду обходиться без анкиного красного платка, без ее сметки и проворства. Когда сон ее не преследовал, она успевала везде. Ребятам до нее было далеко.

Коренастый, широколицый Гришка с вешкой и рейкой носился, как ветер. Особенно ловко делал курганы вокруг межевого столба. Но вдруг сбивался на пустое: кричал с дерева кукушкой, показывал фокусы со спичками. И все пугал Анку из-за куста. Но всегда на него действовало упоминание о черной доске, что была в сельсовете. Тогда

он становился прежним, в работе старался перешибить даже Анку. Курганы у Анки выходили не так аккуратны, и Гришка этим пользовался: высмеивал их. Однако чувствовал, что в смекалке Анке уступает и норовил принудить ее отказаться от первенства — кулаками. С Анкой это было не просто.

— А ну, подойди, — говорила она, наступая сама.

Гришка довольствовался тем, что называл ее «ловкая растяпа». Но говорил это лишь тогда, когда Анка была поодаль.

Так как ребята вначале очень любопытствовали насчет мензулы, я устраивал иногда маленькие перерывы в работе и позволял попрактиковаться им. Анка спешила заглянуть в трубу.

— Смотрите — Гришка на голове ходит. Хулиган, так хулиган и есть.

— Нет, Анка, в трубу всех так видно. И тебя тоже.

— Ну, уж нет: я не из таких, чтобы...

Наведя трубу на медлительного Сеньку, которого ребята звали «вяленой рыбой», она убеждалась, что я прав: уж кто-кто, а Сенька на голове ходить не будет.

Потом допытывалась о рейке:

— Чем она взяла — любоваться-то на нее?

— По ней узнается расстояние и высота.

Анка задумывалась. Отсчитывала на рейке число шашек между верхним и нижним волоском окуляра. Потом измеряла с Гришкой расстояние до рейки лентой: шашек на рейке получалось столько же, сколько метров на ленте. Анка поняла, что считать в трубу шашки, это и значит мерить линию метрами.

— И километр так же: взглянул в трубу и смерил? — допытывалась она.

— Да, только выйдет не очень точно.

— А сто? — спрашивал Гришка, — сто километров ежели?

— Сто в трубу совсем не смеряешь.

— Да почему? Давай-ко я... — настаивал он.

Анка соглашалась со мной. Гришка разочаровывался.

— Коли так — труба дело маленькое: в поле-то и попросту смерить можно.

— Не всегда. Вот попробуй.

Я посылал Петьку, веселого услужливого парня, с рейкой за овраг. Анка отсчитывала в трубу. Гришка предлагал Сеньке браться за ленту, но тот, обычно, отказывался:

— Сейчас перерыв. Не пойду.

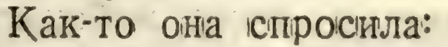
— Эх, ты, ры-ыба! Никакого любопытства в тебе нету. Вот нистолечко. Видишь, я говорю...

Гришка показал Сеньке кончик ногтя, но тот не смотрел. Пахло дракой, и я объявлял, что перерыв кончился.

Анка давно усвоила название частей мензулы и их назначение. Знала, что слово «мензула» — значит «столик». Столик на трех ножках восхи-

щал ее. Но многое ей было и непонятно. Просто расставленную мензулу и мензулу, установленную для съемки по правилам, — с виду не всегда отличит и опытный глаз. Анка разницу совсем не улавливала. Она ежедневно полна была беспокойства: а вдруг работу начала на неустановленной мензуле. Что, если установка как-нибудь нарушилась и мы работаем впустую.

Жаль было Анку за ее напрасные заботы, но разубеждать ее я не считал нужным: став беззаботной, она могла когда-нибудь похозяйничать с мензулой. Этого боялся пуще огня.

Как-то она спросила:

— А бывает с мензулой... неладно?

— Бывает. Когда установленную мензулу тронет кто-нибудь кроме съемщика. Тогда...

— Тогда?

— Тогда все сдвинется, съемка будет испорчена.

— Сдвинется?

— Да. Лес на пашню, выгон на болото.

— А дома?

— Дома на озеро.

Она потянула за платок, сделала круглые глаза и прошептала:

— Дома на озеро...

Когда впереди было много рубки, я посылал на просеки обоих рабочих. Сам шел туда наблюдать, а у мензулы оставлял Анку. Теперь я в ней был уверен, только кратко напоминал:

— Смотри же, Анка, береги мензулу.

Анка стояла, как на часах. Еще издали махала всем приближавшимся, чтобы сворачивали в сторону.

Как-то я ушел с прочисткой просеки далеко вперед. Дивиться мне было чему: Гришка сек молодняк, кустарник, убирал валежник, выкорчевывал пни. Рабочие не могли угнаться за ним. Я завел разговор о занесении Гришки на красную доску.

— Давно пора, — одобрили рабочие. — Это ведь медведь, прямо медведь. Так и ломит и ломит.

Вдруг прибежал Петька и сообщил, что Анка ушла домой. Я пустился бегом. Мензула была цела, журнал и все остальное — в ящике. Почему ушла Анка — было непонятно.

— Петька, ты был тут — рассказывай.

— Анка говорит: посмотри за мензулой, Петька, — и пошла.

— А до этого?

— До этого сидела около мензулы.

Было видно, что он знает что-то еще, но говорить не хочет.

— А ты что скажешь? — обратился я к Сеньке, который тесал колышки недалеко от Анки.

— Я смотрел на колышки, — отвечал он.

Двинулись домой.

В селе мне сообщили, что Анка лежит «в жару», мать ее в тревоге, спрашивает, что мы с ней сделали.

Я пошел проведать Анку.

Анка лежала на лавке, покрытая своим кафтаном. Она была в забытьи. Я взял табуретку и присел рядом. Без платка, с закрытыми глазами, открытым ртом, с румянцем горячки на впалых щеках она мало походила на ту, что я видел ежедневно в поле. Волосы взбились копной, руки раскиданы, ноги поджаты. Мать села в ногах Анки и, роняя слезы, зашептала:

— Уж как мечется-то, как мечется, — господи! А забудется — бредить начнет: «Сдвинется, сдвинется», кричит. С чего такое пошло: сдвинется да сдвинется, — ума не приложу.

Я сидел, как на иголках. Каждое слово било меня по сердцу: моя вина перед Анкой стала мне ясна.

Мать вытиралась то косынкой, то фартуком. Из-за перегородки выглядывали трое маленьких. Четвертый, постарше, тащил их обратно и уговаривал сидеть смирно.

Анка пошевелилась, но глаз не открыла. Поднявшаяся тонкая рука ее бессильно упала на кафтан. Рука была горяча, суха, пульс неровен и слаб. Вспомнив о своей походной аптечке, я помчался домой.

При своей кочевой жизни мне приходилось заболевать не только в глухой деревне, на хуторе, в сторожке, землянке, но и просто в лесу, в болоте. «Пользовать» себя лекарствами в том или другом случае я умел. Бывало, помогал и другим. Я развел в стакане кофеин и ложечкой выпоил Анке. Красный платок ее висел на гвозде. Намочив, я положил его ей на голову. При свете ночника Анка выглядела еще слабее. Через час Анка вспотела. Она открыла глаза. Улыбаясь, я протянул к ней руки. Лицо мое было освещено, она должна была узнать меня. Медленно поднимаясь на локте, другой рукой она как бы загораживала себя. Но в больших круглых глазах страх уже сменялся сомнением, потом надеждой.

— Разве... не сдвинулось? — слабо выговорила она.

— Нет, Анка, нет. Все цело, в порядке, хорошо.

Она опустилась на подушку и отвернулась к стене.

— А я-то думала, — облегченно прошептала она, закрыв глаза.

Мать на радостях вздумала угощать меня лепешками, но мне было не до них. Наказав ей напоить Анку чаем, никого не пускать к ней, я ушел домой.

Утром, подавая мне завтрак, хозяйка сообщила:

— Приходила Федосья, говорит, Анке лучше. Принесла тебе сметаны, да я выпроводила: у меня своя неплохая.

Я поспешил к Анке.

— Две лепешки съела, чашку молока выпила, — сообщила мне мать с радостной улыбкой.

Анка уже сидела. Одета была в пестрядевое платье. На голове неизменный красный платок. Только ноги, вытянутые на лавке, были покрыты кафтаном.

Лекарство Анка выпила и стала смотреть в окно. Маленькая девочка, положив ей на колени голову, жаловалась, что у ней болят волоски. Анка повязала ей свой красный платок — углом вперед и косо. Глаза у маленькой были большие, губки сжаты. Точь-в-точь — маленькая Анка. А обе походили на мать. Десятилетний Ваня выглядел иначе: толстенький, малоподвижный, сонный.

— Вот наш-то кормилец будущий, — сказала Федосья, любовно причесывая его. — Долго еще ждать его помощи, ох, долго. Уж три года, как хозяин ушел в тайгу на белку, да видно и не вернется. Я-то стара вата, этот-то маловат — коренником приходится запрягаться Анке. Дрова, вода, скотина — все на ней. А с вечера — за корзинки. Иной раз до свету засидится, копеек сорок за ночь-то выгонит.

Я подошел к Анке.

— Скажи, Анка, почему ты ушла тогда с поля без спросу?

— Испугалась.

— Чего?

— Я уснула возле мензулы и схватилась за нее... мензула сдвинулась... я думала, что и все сдвинется...

Два дня мы работали без Анки. На третий появилась и она — ловкая, сметливая, проворная. Я поручал ей всякие дела, но с мензулой больше не оставлял. Работа опять пошла быстро и гладко.

До осенних дождей съемка была закончена. В последний день мы прошли с поля прямо в сельсовет.

— Кончили? — весело встретил нас председатель. — Ну, молодцы. Молодцы и все.

Он взял мел и вывел наши фамилии на красной доске. Почерк был неважный, но никто не обиделся. Все были веселы, улыбнулась и Анка.

Глухарка

О. Маркова

Ребята крались по лесу как воры: то ползли по траве, то приподнимались и, приседая, делали несколько шагов вперед.

Когда сосны кончились и пошел березняк и осинник, Иванко шепнул Вите:

— Хоть бы сегодня пофартило, по одному бы яйцу найти.

Палило. Лес словно вымер от жары. Не шевелился ни один листок, и птиц в этом жарком лесу было не слышно.

Витя неосторожно наступил на хворост и сразу же с дерева слетел серый дрозд. Он оглушительно затрещал и пронесся над головами мальчиков. Своим криком он всполошил весь лес: тоненько и жалобно запищали пеночки, заподсвистывали часто горихвостки.

— Всегда ты так, всех птиц спугнешь, — заворчал Иванко.

— Пугал когда? — возразил Витя. Но он попадал в одну беду за другой. Вот он запнулся и растянулся на тропе во весь рост. Иванко только всхлопнул руками:

— С тобой ничего не соберешь!

Теперь уже не один дрозд кружился над ребятами, а большая стая птиц, и так быстро, что распознать их было трудно. Только мелькало огненное оперение горихвостки.

Приятели ускорили шаг, и птицы мало-по-малу отстали. Лишь серый дрозд все еще кричал, поднимая в лесу тревогу.

— Он, наверное, сторожем поставлен, — сказал Витя.

Иванко вдруг остановился и подтолкнул дружка:

— Смотри, смотри...

На солнечном склоне пригорка, у обгорелого пня, торчала черноватая головка. Это была глухарка. Она сидела на яйцах.

— Эх, ружья нет, — пожалел Иванко.

Витя знал, что ружья у Иванка никогда не было в руках, но сделал вид, что поверил.

— Она высиживает, и ее бить теперь нельзя.

— Ну, живьем бы взять, вместе с гнездом.

Ребята легли на траву и начали подползать к птице. Глухарка косила на них черным блестящим глазом и продолжала сидеть.

Теперь ее можно было хорошо рассмотреть: голова и шея птицы были черноватые с рыжими поперечными полосками. Хвост рыжий, в черной перевязи, горло оранжевое, а брюшко пестрое — черное с белым.

Она подпустила ребят близко, но когда они протянули к ней руки, с криком тяжело поднялась, отлетела, вновь опустилась и поднялась. Свистя крыльями, она упала на траву и затрепыхалась, словно подшибленная.

— От гнезда отводит... — прошептал Витя.

Сколько ни гонялись за глухаркой ребята, поймать ее не могли. Но обмануть и отвести их от гнезда она не могла.

Гнездо было устроено в небольшой ямке, устлано сухими прутиками. В нем лежали двенадцать желтобурых яиц, чуть меньше куриных, с тупыми концами.

— Тепленькие, — сказал Иванко.

Дрозд продолжал кружиться над ними. Он мешал ребятам своим криком.

— Пошел ты! Чего разорался? Не твои, ведь яйца-то... — крикнул Витя и замахал на него руками.

Дрозд улетел. Тогда они торопливо собрали яйца в свои картузы.

Не успели мальчики сойти с пригорка, как по шуму крыльев догадались, что летит глухарка. Они притаились в кустах. Полет птицы был шумный, удары крыльев тяжелые. Увидев пустое гнездо, глухарка закричала коротко и тревожно.

— Бокк... бокк... бокк...

И то расчесывала землю лапами, то садилась на траву, растопорщив крылья, будто обогревала яйца. Но под ней было пусто, и птица снова вскакивала и, клокча, носилась по поляне.

По дороге к дому Витя молчал. Он нес картуз с яйцами, как чашку с водой. Говорил один Иванко:

— Если не очень засижены, так скоро их выдуем. Самое главное — зачин, а там уж пойдет. По одному в коллекцию, а остальные можно променять. Я бабок себе наменяю.

Витя задумчиво произнес:

— Птица, а чувствует...

— Чего ты? — не понял Иванко.

На опушке леса ребята сели в траву, у дороги, и начали делить яйца Яйца лежали перед ними, точно двенадцать кучек желтого песку. Иванко оглядывал каждое со всех сторон, считая на них темные пятна

— Смотри, Витька, сколько отметин. А вот яичко с разводами, смотри. Это я себе...

Он подкладывал к своей куче все те яйца, которые ему казались лучшими.

Одно яйцо выскользнуло из его рук, упало на траву.

— Чуть не сломал, — сказал он и положил яйцо Вите в картуз.

Поделив яйца, мальчики пошли дальше.

Когда показались строения, Витя неожиданно сказал:

— Иванко, отдай мне все яйца. Я тебе бабок дам.

— На что тебе столько?

— Надо... Я и биток тебе дам...

— С буквами?

— С буквами.

— Обманешь?

— Обманывал когда?

— Идет! Из ручки в ручку...

Не заходя домой, Витя вынес из двора свое богатство, целый кон бабок и меченный биток. Никогда не думал он так дешево спустить свои бабки...

«Ну, и дурак же, все бабки отдает» — подумал Иванко. Торопливо собрал бабки в карманы, а биток зажал в руке и передал Вите свои яйца.

Теперь у Вити в картузе лежали все двенадцать яиц. Одно из них было с трещинкой. Он положил его сверху.

* * *

На другое утро, чуть свет, Витя направился в лес, к тому пригорку, где было гнездо глухарки. Шел он по лесу не таясь, во весь рост, посвистывал. Ему хотелось, чтобы все птицы увидели, как он возвращает яйца глухарке. Но чем смелее он шел, тем меньше птицы волновались. Даже дрозда не было видно. Мальчик без труда нашел поляну с обгорелым пнем по середине.

Глухарка бегала на горке, искала пищу.

Витя выждал, когда она отошла дальше, подкрался и положил в гнездо яйца.

«Вот обрадуется», — подумал он, и залег в кусты.

Глухарка спокойно поклевывала траву. Вот она приблизилась к гнезду, увидела яйца и тревожно закричала, и вдруг начала яростно долбить яйца клювом.

Витя вскочил с места, замахал на птицу руками.

— Дура, ведь это твои!

Глухарка, испуганная, отлетела. Она успела расколоть клювом все яйца, кроме треснутого, которое было спрятано под листок. И больше к гнезду не возвращалась.

Витя не мог понять того, что вернул яйца уже поздно: за ночь они застудились, да и глухарка от них отвыкла.

На улице ребята играли в бабки, когда Витя вернулся из леса. Иванко, сияющий, подскочил к нему:

— Я уже два кона сшиб. Счастливый твой биток.

Но, увидя печальное лицо друга, он, чтоб утешить, сказал:

— Пойдем завтра яйца искать. Ребята сказывают — по Коровьей стойке дроздов много и скворцы водятся.

— Мне больше яиц не надо, — сказал Витя тихо.

— Ну, а чего же ты ревешь?

Витя шмыгнул носом и возмущенно спросил:

— Ревел когда? Только яиц, мне больше не надо... а бабки я еще наживу. Не бабки меня наживали.

Б. Рябинин

Это было на Аракуле — небольшом горном озере, расположенном на полпути между Свердловском и Челябинском. Мы вдвоем с Сергеем Смородинским приехали произвести топографическую съемку берегов озера. В Аракуль предполагалось спустить воду из другого озера — Большого Кагана, с тем, чтобы поднять его уровень и создать здесь образцовое рыбоводное хозяйство.

Аракуль — один из красивейших уголков Среднего Урала. Озеро — круглое, как чаша, с небольшим каменистым островком посредине — лежит в живописной местности, среди лесов, ручьев и гор. С одной стороны оно прикрыто Аракульским шиханом, с другой — оправлено в рамку из густых зарослей камыша и склонившихся над водой кустов. На островке — черемуха, малина, брусника, дикая смородина.

Местные жители рассказывали нам, что в скалах на шихане скрываются уральские орлы, или, как их здесь называют, подорлики, зимой можно встретить на снегу следы рыси, а темными осенними ночами — услышать, как кричит в лесу лось. Как бы в подтверждение этого, однажды мы нашли в куче мусора рога взрослого сохатого. Рога были совсем свежие, на них сохранились еще клочки шерсти.

Мы ночевали на чердаке рыбоводного завода. Завод был простым деревянным домом под железной крышей, пока пустовавшим. В нем жила сторожиха с дочкой, девочкой лет семи-восьми. Напротив, через дорогу, стояло несколько крестьянских домов.

По вечерам, вернувшись с работы, мы забирались на свой чердак и под журчание речки Аракульки, протекавшей под самыми окнами рыбзавода, засыпали. На чердаке пищали летучие мыши, днем там было жарко, как в духовке, солнце накаляло железную крышу, но к ночи она остывала, с озера тянуло холодком, и сон был крепок, каким он может быть только на свежем воздухе.

Дочка сторожихи Анюта была словоохотлива, и от нее можно было узнать все деревенские новости.

— А сегодня опять упырь приходил, — заявила она как-то раз, сияя голубыми глазками.

— Упырь!? — изумились мы.

— Ага, — подтвердила она. — Он часто приходит. Никоновскую Маруську напугал, дак она хворает и хворает...

Впрочем, объяснить, какой он — упырь, она так и не сумела. Ну, упырь, и упырь. Сходите на деревню — всякий скажет. Никто его не видел, а знать — известно каждому.

Действительно, как мы вскоре убедились, вокруг упыря в деревне шел большой разговор. Упырь пугал детей, мучил скотину, появляясь самым неожиданным образом и всегда ночью. Он был неуловим, хотя после него обязательно оставалась примета — следы зубов. Это было странное и загадочное явление, и оно не могло не заинтересовать нас.

Первые признаки присутствия упыря мы получили возможность наблюдать на пятый или на шестой день по приезде на Аракуль. На этот раз жертвой упыря явились куры — десять штук. Правда, это с одинаковым успехом могло быть отнесено за счет хорька или лисицы; странным было лишь то, что ни одна курица не пропала. Они лежали рядышком, как будто кто-то нарочно уложил их так, без каких-либо наружных повреждений, за исключением крохотных, точно булавочных, уколов на шее, через которые и ушла птичья жизнь.

Хозяйка кур проклинала упыря на все лады. Что это мог сделать кто-нибудь другой — об этом никто не хотел и думать.

На следующий день пострадавшей оказалась лошадь — хороший вороной конь, которым мы не раз любовались, когда он гулял на пастбище. Утром хозяин нашел коня в стойле дрожащим от испуга, в мыле и со взбитой гривой. Грива была спутана так, точно кто-то пытался ее заплести. Конь прял ушами, косил кровавым глазом и долго никого не подпускал к себе, пугаясь даже самого легкого прикосновения. На его атласистой шее виднелось несколько капель крови, видимо, следы укусов упыря.

Совершенно очевидно, что это не могли сделать крысы. Еще ни один натуралист не зарегистрировал такого факта, чтобы крысы заплетали косы у коня!

Понятно, с каким нетерпением ждали мы дальнейших шагов этого таинственного существа, которое невидимо обитало между нами, пугая одинаково как людей, так и животных, умерщвляя тех из них, кто был слабее его. Как нарочно, в деревушке не было ни одного охотника, способного заняться поимкой или уничтожением неведомого зверя. А по нашему глубокому убеждению, это мог быть только какой-то зверь, или, вернее, зверек, так как трудно было допустить, чтобы крупное животное могло проделывать незамеченным такие штуки. Одно обстоятельство смущало нас: случай с гривой: какой зверь мог взбить гриву коню?

Несколько дней упырь не подавал о себе признаков жизни, и мы уже начали поговаривать о том, что во всем этом больше выдумки, чем

правды, как вдруг новый странный случай заставил нас заговорить по-другому.

Мы ловили рыбу на озере. Иногда, вернувшись пораньше с изысканий, мы устраивали ужин из свежих окуней. Озеро кишело рыбой и, чтобы наловить на хорошую уху, достаточно было проехать в лодке вдоль камышей и обратно.

Солнце было еще высоко. Над шиханом плыли легкие кучевые облака, и почти вровень с ними широкими кругами ходил в синеве ястреб, высматривавший добычу. Он то падал вниз, то снова широко и плавно взмывал в вышину, превращаясь в едва заметную точку.

Наконец стремительное падение, близкое к падению камня, сообщило нам, что хищник настиг жертву. Вслед за тем он снова появился над лесом. Что-то случилось с ним. Он шатался, точно пьяный, напоминая самолет, потерявший управление, бессильно хлопал крыльями, метнулся в одну сторону, в другую и вдруг устремился к земле. Он не спускался, нет, он падал, делая лишь слабые и бесполезные попытки задержаться.

Мы причалили к берегу и после недолгих поисков нашли ястреба, лежащим в траве. Он был уже мертв. Тоненькая струйка крови сочилась из-под перьев на горле. Мы переглянулись.

Загадочная гибель птицы несколько дней занимала наше воображение. Все происходило на наших глазах, от начала до конца, и все-таки мы не могли сказать, кто был виновником смерти ястреба.

— Придется заняться этим упырем, — сказал, наконец Сергей.

— Я, его, пожалуй, попробую поймать мышеловкой.

— Мышеловкой?!

— А что ты думаешь!

— Где ты ее поставишь?

— Я еще сам не знаю.

Я уже привык к неожиданным выходкам своего приятеля и знал, что он способен иногда осуществлять самые необычайные комбинации, однако на этот раз был глубоко убежден, что мышеловка не поможет ему.

Между тем, злодейства продолжались. Очередной жертвой упыря пал хорошенький трехмесячный котенок, принадлежавший Анюте. Он исчез, а спустя три или четыре дня Анюта нашла его в огороде бездыханным, со следами засохшей крови на шее.

Почему-то гибель котенка особенно возбудила нас против упыря. Анюта проливала слезы, а Сергей, сдвинув белесые брови, хмуро говорил:

— Ну, это уже слишком! Надо что-то придумать, чтобы проучить эту тварь!

Но это было легче сказать, чем сделать. Упырь отличался крайней осторожностью, никогда не появляясь дважды в одном месте, и совершенно невозможно было предугадать, где он появится в следующий раз.

Как видно, это было отважное и подвижное существо, не боявшееся проникать даже в жилище к людям.

Случилось то, что я ожидал: мышеловка оказалась бесполезной. Сергей просто не знал, где ее поставить. Он и сам скоро отбросил эту мысль — поймать упыря таким примитивным способом, а там подошло время заканчивать нашу работу, и мы уехали, так и не раскрыв тайну.

Я уже начал забывать о всей этой истории, когда однажды, зайдя к приятелю, застал его за чтением больших толстых книг. Тут были записки натуралистов, очерки и наблюдения о различных животных.

— Я знаю кто — упырь, — неожиданно заявил Сергей.

— Кто же?

— Это ласка.

— Ласка?!

— Да. Надеюсь, ты слыхал, что существует такой зверь. Кстати, мы не ошиблись: он, действительно, очень маленький.

— Ласка... — Я напрягал память, стараясь припомнить, что я знаю о ласке. — Допустим. Но почему она душила кур и не уносила их?

— Из любви к искусству. Это ее особенность. Читай. Вот, что пишет о ласке один из естественников.

Я прочитал:

«Ласка нередко нападает на домашних птиц и животных, поселяясь около жилища человека, забирается в дома и вообще ведет себя крайне смело. Она уничтожает крыс, мышей, кротов, молодых хомяков, зайцев, кроликов. Она подкарауливает и истребляет жаворонков и других птиц, живущих на земле, а также лесных птиц, когда они спят на деревьях. Ласка пролезает в самые узкие щели и дыры, отлично лазает, превосходно бегает и плавает. Отличительная черта ее — что она стремится убить больше, нежели нужно для пропитания ей самой и для пропитания ее потомства»...

— Очень хорошо, — сказал я. — А как ты смотришь на ястреба? Тут сказано, что ласка отлично лазает, бегает и плавает, но не сказано, что она умеет летать.

— Я знал, что ты это скажешь, — широко улыбаясь, ответил Сергей. — Теперь читай здесь.

— Что это?

— Это Брэм.

«...Ласка почти всегда умеет увернуться от когтей хищной птицы... более же слабые хищные птицы сами подвергаются риску в борьбе с ней. Так, одному наблюдателю удалось видеть, как коршун стремглав бросился на землю, подхватил ласку и поднялся с нею на воздух. Вдруг полет птицы изменился, и коршун, как подстреленный, упал мертвым на землю. Подбежав к месту падения, наблюдатель увидел пробежавшую ласку. У коршуна было перекушено горло. Тоже случается и с воронами, нападающими на ласку».

— Точно? — торжествующим тоном спросил Сергей.

— Точно.

Но я не сдавался.

— А случай с лошадью?

— С лошадью? — Он замялся.

— Да. Надеюсь, ты еще не забыл про заплетенную гриву?

— Нет, не забыл... Понимаешь, я перерыл массу книг, но об этом ничего не нашел. Все совпадает очень точно, кроме этого случая... Но я уверен, что это ласка!

— Может быть. Но надо это доказать.

— Согласен. Для этого мы должны поймать эту зверюгу.

— Каким образом ты намереваешься это сделать?

На лице Сергея появилась довольная улыбка.

— Я думал над этим и даже ходил к охотникам. Вот мне что дали...

Он извлек из-под кровати штук десять легких силков, наподобие тех, какими ловят птицу, но значительно прочнее, и показал их мне. Я уже видел, что у него имеется готовый план действий.

Кстати нам нужно было опять поехать на Аракуль.

Приехав туда, мы, конечно, поинтересовались, что слышно об упыре и то, что сообщили нам, несколько опечалило Сергея. Упырь давно уже не напоминал о себе.

Мы опять ночевали на чердаке. Летучие мыши больше не пищали (вероятно, выросли и улетели), и мы были единственными обитателями этого просторного сухого помещения... так, по крайней мере, нам казалось. Время было уже не такое жаркое, лето шло к концу.

И вот однажды среди ночи я проснулся оттого, что кто-то прикоснулся к моему лицу. Это очень неприятное ощущение — проснуться ночью в незнакомом месте, совершенно отчетливо чувствуя, что кто-то дотронулся до вас рукой. Я долго лежал с открытыми глазами, готовый вскочить при малейшем подозрительном шорохе. Но кроме журчания Аракульки не доносилось ни одного звука, и я скоро уснул, решив, что мне почудилось.

Однако, на следующую ночь точно такая же история повторилась с Сергеем. Кто-то бродил около нас.

— Теперь я знаю, где ее ловить, — заявил мой товарищ и расставил силки по всем углам чердака.

Но через неделю он должен был признать себя побежденным: все старания поймать ласку ни к чему не вели. Зверь оставался неуловимым.

Мы поймали ласку самым неожиданным образом. Поймали без силков, без каких-либо ухищрений, голыми руками.

Мы наткнулись на семейство ласки. И вот как это произошло.

Я уже рассказывал, что место вокруг Аракуля было в то время мало обжитое: несколько домов, пустующее здание рыбзавода, вот, собственно, и все признаки деятельности человека в этих местах (уже значительно позднее был построен дом отдыха на берегу озера). Сразу за Ара-

кулькой начинался густой лес с полянами, густо усыпанными полевыми цветами, где мы любили бродить вдвоем.

Однажды, собирая цветы, я был привлечен знаками, которые делал мне Сергей с противоположной стороны поляны. Он сделал стойку, которой могла бы позавидовать хорошая подружейная собака. Его отчаянные знаки говорили о том, что нужно быть крайне осторожным.

И, действительно, зрелище стоило того. Несколько совсем крохотных красно-бурых зверьков резвились у корней старой березы. Они были немногим крупнее взрослой мыши, но, если мышь ловка, очень ловка, то эти превосходили ее в ловкости во стократ. Невозможно описать, что они выделывали, кувыркаясь один через другого, проделывая это неслышно и с такой грацией, какой мне до этого не приходилось наблюдать ни у одного из известных мне зверьков.

Нечаянный громкий вздох, вырвавшийся у меня, вспугнул семейство. Малыши мгновенно исчезли в норе под корнями. Но мы продолжали терпеливо ждать, ничем не выдавая своего присутствия, и они снова появились. Сначала из норки показалась одна любопытная мордочка с черными, точно бисеринки, глазками, потом другая... Убедившись, что опасности нет, они выскочили один за другим, и возня возобновилась с еще большим ожесточением.

Вероятно, мы долго любовались бы так на этих забавников, если бы в эту минуту не появилась мать. Она появилась совершенно неслышно, и не мы первые увидели ее, а она — нас. И однако она не испугалась и не сделала попытки скрыться незамеченной. Напротив! По ее сигналу малыши вновь в одну секунду скрылись под корнями и больше уже не показывались, а она, их мать, остановилась, поднялась на задние лапки и приняла угрожающую позу. Да, да, именно угрожающую. Знаете-ли вы, сколько в ней было длины: не более двадцати сантиметров вместе с хвостом. Это было совершенно непостижимо, как такой крохотный зверек мог отважиться напасть на человека, и однако это было так. Не мы напали на нее, а она первая напала на нас. Она даже издавала какие-то неясные звуки. Вытянутое тело ее медленно собралось в мускулистый комок.... Хотела-ли она, прыгнув на нас, пустить в ход свои острые зубы, или надеялась испугать своим грозным видом, но Сергей опередил ее. Он упал на нее точно ястреб из-под-небесья. Она оказалась прихлопнутой фуражкой, как бабочка. Я до сих пор не могу понять, как такой увертливый зверек попался столь глупым образом.

Как бы там ни было, Сергей поймал ее. Он действовал с такой горячностью, что едва не задавил ее. Она прокусила ему палец, но он торжествовал — ласка была в его руках.

Вот он, наш упырь. Мы с любопытством рассматривали это существо, безумная храбрость которого не находила себе примера. Сергей держал ее в фуражке, стиснув обеими руками так, что только голова ее торчала над фуражкой да кончик пушистого хвостика выглядывал внизу.

Это было грациозное существо, одетое в бурую шубку, более светлую книзу, с сердито топорщившимися усиками и злыми поблескивающими глазками, которыми зверек в упор смотрел на нас. Туловище ее по ширине равнялось голове, и это-то обстоятельство и позволяло ласке проникать в любую щель.

— Не задуши, — сказал я, видя, что зверек стал раскрывать рот, точно ему нечем было дышать.

— Хороша! А? Правда? — восклицал Сергей. — Все-таки она попалась нам.

— Да, но ты так и не доказал, кто испугал коня.

— Я был уверен, что ты напомнишь об этом. Засунь руку ко мне в карман, там у меня в блокноте сделана одна выписка. Нашел? Я разыскал это в последний момент перед нашим отъездом на Аракуль, но нарочно не хотел тебе показывать прежде времени. Читай. Это свидетельство одного натуралиста.

— «Замечены случаи, когда ласка пугала крупных животных, в частности, лошадей, — стал читать я вслух. — Утром лошадь находили в стойле, дрожащей от испуга, взмыленной и со спутанной гривой. Конечно, здесь не могло итти и речи о том, чтобы ласка хотела уничтожить такое крупное животное. Ласка просто р е з в и л а с ь. Она бегала по коню, играла его гривой и, играя, покусывала его, словно пробуя свои зубы»...

— Достаточно? — спросил Сергей.

— Вполне, — согласился я. — Удивительная смелость!

— Да. Там так и сказано, что этот зверек необычайно смел и отважен.

— Что он отважен, мы уже имели возможность убедиться.

— Кстати, там еще сказано, что ласка уничтожает неимоверное количество грызунов и таким образом, приносит несравненно больше пользы, нежели вреда, как это часто думают.

— А на чердаке, думаешь, тоже была она?

— Конечно. К зиме ласка любит устраиваться на чердаках, в амбарах, а сейчас — уже осень.

Мы внимательно посмотрели друг на друга. Что еще можно было добавить ко всему этому?

Каюсь, мы не нашли в себе достаточно решимости, чтобы погубить это существо. И отпустив его, долго смотрели на то место, где в траве исчез этот маленький зверек — карлик с отвагой великана.

К. Мурзиди

Из Адама Мицкевича.

Дымятся развалины... Город родимый
Не крепость уже, а тюрьма.
Отряд еще держится — неколебимый,
Но в городе — мор и чума.

Отважный Альманзор взобрался на выступ
Старинной стены крепостной,
Враги, он увидел, готовы на приступ,
Их флаги уже под стеной.

Сверкание солнца и пушечной меди;
Удары гремят с высоты,
Враги, торжествуя, кричат о победе,
На башнях — чужие кресты.

Ломаются копья, разбита преграда.
Не видно друзей боевых,
Защитники пали; один из отряда
Альманзор остался в живых.

В разрушенный замок по первому кличу,
По трубному зову в ночи
Враги собрались и делили добычу,
Сменив на бокалы мечи.

Столы боевого полночного пира,
Как поле сраженья. Но страж
Встает на пороге: «Для дружбы и мира
Явился к нам рыцарь — не наш».

То рыцарь — Альманзор. Забыл он о боли,
Король, побежденный в борьбе,
Пришел в этот замок по собственной воле
И просит пощады себе.

«И вашему богу и вашему трону
Я раб до последнего дня.
Певцом, прославляющим вашу корону,
Вы будете видеть меня».

Мечи и бокалы скрестив полукругом,
Справляя свое торжество,
Враги называют Альманзора другом,
И вождь обнимает его.

И тут, словно сам он под звонкие трубы
Добычу делил, пировал,
Он стал обнимать их и каждого в губы,
Как преданный друг, целовал.

И вдруг он упал пред своими врагами
И крикнул: «Обмануты вы!»
Упал и валялась у них под ногами
Повязка с его головы.

Пропитана кровью была она липкой...
И кто бы узнал — отчего
Лицо посинело и злобной улыбкой
Раздвинулись губы его.

«Вы мне докучали враждой многолетней,
Мой дом превратили в тюрьму,
За это привел я на пир ваш последний
Зловещую гостью — чуму.

Она — в поцелуе моем ядовитом,
Вы тоже умрете, как я.
В бокале разбитом, за дружбу распитом,
Шипела не пена — змея!»

Альманзор смеется неистовым смехом,
Враги обнажают мечи,
А смех раздается немолкнущим эхом
Под сводами замка в ночи.

И умер Альманзор, от яда сгорая,
Но, рыцарям вражьим на страх,
Попрежнему смех его, не умирая,
Змеился на черных губах.

Враги побежали, но их на расплату —
У стен городских умирать —
Вернула чума и — солдата к солдату —
Свалила последнюю рать.

МЫШИНОЕ ЗОЛОТО

В. Ярков

В детстве мне ни разу не приходилось видеть самородного золота. Среди нас, ребят, один лишь Алешка Заяц видал его. Семья Зайца издавна работала на золоте: дед когда-то был старателем, а отец и лето и зиму проводил на прииске.

От Алешки мы слыхали, что добывать золото тяжело, и что надо много земли перебрать, чтобы добыть маленькую щепотку золота.

Несмотря на это Алешка был привязан к приисковому делу и о золоте мог говорить сколько угодно.

В это лето отец его старался на Каменке, недалеко от завода. Алешка то уходил туда, то бегал с нами на пруд купаться. Любимым нашим местом были рогатки, у угольных куч. Это был просто забор из жердей, уходивший в воду вдоль берега на несколько сажен. У рогаток был мелкий, чистый песок. И что только мы не выделывали здесь: ныряли, березки ставили, «солили» песком друг друга, или, вымазавшись мокрым песком, изображали неведомых дикарей. Купались так, пока не надоест.

Однажды, накупавшись вволю, мы пошли на Крутояр раков ловить. Крутояр — это скала из сланца. Сланец почти стоял вертикально огромными тонкими плитами, которые, сползая в воду, дробились на мелкие плитки. Весь берег был усыпан ими, а под плитками охотно ютились раки. Перевернешь плитку, из под нее раки так и бросятся во все стороны.

Мы сначала сомневались — пройдем ли туда, но вода в пруду в это лето стояла невысокая и по берегу можно было пройти даже до заимки.

Засучив штанишки, мы стали отыскивать раков под плитами. В первую же минуту нас поразило изобилие каких-то желтых пластинок горной породы, которые вместе с песком волнами плескались вдоль берега взад и вперед. На солнце они блестели как золото.

Мы, быть может, и не обратили бы внимание на эти пластинки, но среди нас был Алешка Заяц.

— Ребята, не золото-ли это? — воскликнул он. — Оно такое же желтое, только мельче и как песок. Я не видал еще такого.

Мы не могли ничего сказать — золото или другое что. В школе у нас была коллекция, но в ней не было самородного золота. Правда, имелся образец «золотой руды» с Березовского завода, но золота в нем не было видно.

— Вот бы настоящее золото! — продолжал Алешка, — ведь посмотрите сколько его...

Он пригоршнями начал черпать песок с таинственными блестками и вслух высказывал свои надежды:

— Если это будет настоящее золото, обязательно с тятей будем работать. Здесь не то, что на Каменке. Там надо шурфы бить, пробовать в ковше, потом пески мыть на станке, ртутью собирать да обжигать, а здесь, пожалуйста, сразу — бери сверху. Хоть греби лопатой. Жаль, что нет никакой посуды, а то бы ведро свободно можно было бы принести. Вот бы удивились старатели. Близко и много, главное.

Мы сначала равнодушно отнеслись к его словам, но потом и сами увлеклись, слушая Алешку.

— Вот, что, ребята, я сделаю: нагребу в фуражку, унесу домой и покажу тяте. Он сразу узнает — золото или нет.

— А он придет сегодня? — спросил кто-то из ребят, зная, что старый Заяц не каждый день приходит с прииска. Алешка задумался.

— Не знаю, может быть. Пока он придет, а здесь, если узнают, все золото унесут.

— Правда, правда, как узнают, что золото, капут будет.

Алешка наполнил фуражку песком, высыпал и опять набрал. Глядя на него, другие ребята также стали набирать в фуражки. Один Ваня Заспанов спокойно стоял в стороне.

— Я буду раков ловить, а затем в воду. Ну, вас с золотом. Мало-ли что Заяц скажет.

— Сам ты заяц, — огрызнулся Алешка — Не хочешь и только. Вот, посмотри, как мы разбогатеем! Я у тебя буду раков брать на деньги. Скажу: «Ну-ка, Ваня, неси раков».

— Эка-бека, жди! Зайцы раков не едят, — рассмеялся Ваня.

— Постой, постой, Алешка! — заговорили ребята. — Ты один с отцом будешь робить, а мы? Вместе нашли золото, и мы будем робить, а то — я, да я. Ишь какой. Ты, как Паршуков, завладеть хочешь всем.

— Не верьте, ребята, Зайцу, врет он все, — заметил Ванька.

Алешка покраснел от обиды:

— Ты, Ванька, ничего не понимаешь. Пойдемте сейчас, я покажу песок маме. Она видела настоящее золото, все-таки скажет что-нибудь. А я уверен, что это золото, желтое и в песке.

Домой пришли нескоро — то и дело отставали — зевали на разные происшествия. Алешка торопил, наконец заявил, что он пойдет, и тогда все золото ему одному достанется. Мы подтянулись.

Мать Алешки была в огороде.

Перебивая друг друга, мы начали рассказывать подробно — как купались, как прыгали, потом пошли раков ловить и как сразу нашли вот это золото.

— Ох, мама, сколь его там много, — захлебываясь, рассказывал Алешка, — а крупное какое. Вот гляди, как блестит. — И он из фуражки высыпал песок в ведро с водой.

Мать долго перебирала руками пластинки, потом сказала:

— Нет, Алешенька, отец не такое золото носит. Оно хоть и такое же желтое, но у вас очень крупное. А что это — не знаю. Снеси-ка дедушке, он дома, он вам расскажет. А я не сумею объяснить.

— Пошли, ребята, к дедку, — крикнул Алешка, и мы последовали за ним.

Дед Алешки жил недалеко. Мы с шумом ввалились во двор.

— Какое же это золото, — с первого взгляда определил дед, — это слюда.

— Как слюда? — недоверчиво возразил Алешка, — смотри как в воде оно блестит.

Алешка сбегал за ведром с водой и поднес деду.

— Вот, вот, на солнышке желтая слюда хорошо блестит, — подтвердил дед и, взяв один кусочек, стал ногтем отщеплять тонкие пластинки. — Настоящая слюда. Мы называем ее «мышиным золотом». А где нашли?

— На Крутояре.

— Ну, понятно. Если бы это было настоящее золото, разве оно улежало? Да, его давно бы выработали. Это, Алешенька, настоящая слюда. В другой раз ее много бывает. Такая глина есть — «полудой» ее еще зовут. Сплошь слюда. Бросишь в воду, а она на солнышке так и блестит.

— Не может быть, — сказал вполголоса Алешка, когда мы вышли на улицу. — Дедко ничего не знает. Вот дождусь тятю, он уж наверняка скажет. Я никогда не слыхал, что есть еще «мышиное золото». В школе ничего не говорили и вдруг — на...

Мы пошли в бабки играть, а Алешка подобрал «мышиное золото» и отправился домой.

На другой день после разговора с отцом он прибежал к нам и торжественно заявил, что мы нашли «настоящее мышиное золото».

Ванька не преминул посмеяться над бедным Алешкой:

— Ну, теперь доволен «мышиный золотарь»? Будешь раков у меня покупать?

Это удачное выражение «мышиный золотарь» надолго осталось бы за Алешкой, если бы осенью учитель не попросил его принести «мышиное золото» для школьной коллекции.

Алешка принес с Крутояра несколько кусочков «золота», и учитель, взяв образец, написал «Желтая слюда с Крутояра», а в каталоге добавил — «Старатели такую слюду называют «мышиным золотом».

Затем учитель попросил Алешку еще принести «камней» для коллекции, и Алешка сделался героем дня.

ФОНАРЬ

Е. Ружанский

Степа дежурил в эту ночь на крыше, охраняя здание своей школы.

Лишь вчера сюда привезли группу раненых. Их разместили по классам в первом этаже. По коридорам бегали санитары с носилками, у ворот дежурили красноармейцы с винтовками. Школа стала госпиталем.

Поэтому, придя сегодня на дежурство, Степа волновался, словно впервые поднялся на эту крышу в темную осеннюю ночь. Слух и зрение его были обострены. Каждый шорох настораживал. Несколько раз обошел он свой участок крыши, окликая товарищей и расспрашивая их о том, как им дежурится.

— Все нормально, Степа, да вот, озяб малость, — ответил Володя Еремеев, дежуривший по соседству.

Подумав немного, Степа сказал:

— Давайте, ребята, на чердак! Погрейтесь немного, потом снова наверх...

Ребята спустились на чердак, а Степа остался один на крыше.

Внизу темнела улица, знакомая до мелочей, исхоженная, родная. Он и во тьме мог определить, где находится булочная, где газетный киоск... Внизу был город, столь же знакомый и родной, и Степа, чувствуя себя стражем этого притихшего, но величественного города, не замечал ни ветра, ни стужи.

Вдруг ему показалось, что на противоположной, — через улицу — крыше блеснул и погас огонек. И это сразу вывело его из задумчивости. Степа стал присматриваться. Однако ничего там больше не светилось.

«Померещилось» — подумал он, но уже никак не мог оторваться от этого места, где, казалось, блеснул огонек.

Вдруг по небу, упираясь в тучи, прошелся прожектор. Пучок лучей скользнул по крыше, и Степе показалось, что там у дымоходной трубы притаился человек. Прожектор прошел дальше, крыша погрузилась в темноту.

Прошло, наверное, много времени. Степа озяб и собрался уже спуститься на чердак погреться, когда снова на противоположной крыше блеснул свет. В темноте огонь был ясно виден и, казалось, горел, как ночной костер в степи.

«Пожар?» — с тревогой подумал Степа. Он хорошо знал, что этот дом, разрушенный снарядом, пуст. В нем никто не живет. Откуда же огонь? Ведь там и дежурных никого нет...

— Надо милиционеру сказать, — решил Степа и позвал ребят.

— Да... Тут что-то неладно... — согласились все ребята, увидев мерцающий огонек. А Миша Корольков, худенький, низкорослый и обычно молчаливый мальчик, добавил:

— Конечно, — милиционеру заявить, — это легче всего. Сказал — и с плеч долой... А вот если бы мы сами проследили да поймали бы того, кто там светом сигнализирует, — вот тогда я понимаю!

— Подумаешь, герой! — воскликнул Костя Красин.

А Володя Еремеев обычным для него шутливым тоном заявил, стараясь избежать спора:

— Все нормально! Поручим Мише Королькову проследить за сигнальщиком, но милиционеру тоже сообщить надо.

А Степа смотрел на крышу и словно не слышал, о чем спорили товарищи. Все сильней и сильней гудели сирены: заводские, корабельные, уличные... Казалось, никаких звуков больше не существовало, кроме гудящих сирен, наполнивших собою эту темную, как деготь, ночь.

— А ну-ка, Миша, пойдем со мной, да быстро, — заторопился Степа. — А вы, товарищи, глядите в оба... Дело такое, сами понимаете: воздушная тревога, а тут рядом с госпиталем — сигнальщик. Его нужно сейчас же...

Он не договорил. Загрохотала, заухала неподалеку зенитка.

Степа с Мишей стремглав побежали с лестницы вниз. У ворот их остановил дежурный.

— Куда?

— Мы — с крыши... с крыши, — находу ответил Миша.

— Постой, постой! Какая крыша, при чем тут крыша? — снова остановил их красноармеец.

— На соседней крыше — огонь... — заикаясь и перебивая друг друга, ответили они и выскочили на улицу.

— Ну, и огольцы, — пробормотал им вслед красноармеец.

Ребята побежали к перекрестку. На полпути Миша вдруг заявил:

— Не пойду я к милиционеру. Иди сам, а я тут подожду.

Степа побежал дальше. Когда он вернулся с милиционером, Миши нигде не было видно.

— Ну, где же твой приятель? — спросил милиционер.

Он первым вошел в полуразрушенный дом и очутился у темной лестницы, ведущий на чердак.

— Сбежал, видать, твой приятель... Ну, ты оставайся тут и смотри. Если кто-нибудь появится, проследи, куда он пойдет.

И милиционер бесшумно стал подниматься по лестнице.

Степа, недовольный и расстроенный, прижался спиною к стене и стал наблюдать за лестницей, прислушиваясь к каждому звуку.

Перед ним поднималась темная, узкая чердачная лестница.

Вдруг Степа услышал какой-то шорох. Он встрепенулся, прислушался. Ему послышалось, что там, наверху, кто-то затопал. Степа оглянулся — никого вокруг не было. Тишина и темнота стояли здесь рядом, плечом к плечу, притаившись, как два злодея.

Колени Степы задрожали мелко и часто. Мороз прошел по коже. Степа шагнул вперед и немного успокоился. Через несколько секунд, окончательно овладев собой, он уже взбирался по лестнице.

— Стой! — раздался с крыши громкий оклик милиционера.

И в ту же минуту какая-то длинная фигура прыгнула с крыши через слуховое окно на чердак. По крыше тяжело прогремели сапоги, и снова:

— Стой!

Человек метнулся от окна к лестнице.

Не раздумывая, Степа бросился ему под ноги, и тот со всего размаха грохнулся на-земь, ударившись головой о дверной косяк.

Незнакомец глухо застонал, выругался, заворочался, но подняться на ноги не смог. Милиционер был уже на чердаке и поясом связывал ему за спиной руки.

— Слушай, паренек, — сказал милиционер Степе, — там на крыше, посмотри, не твой ли приятель. Опередил он нас с тобой, дружище...

Степа выскочил на крышу.

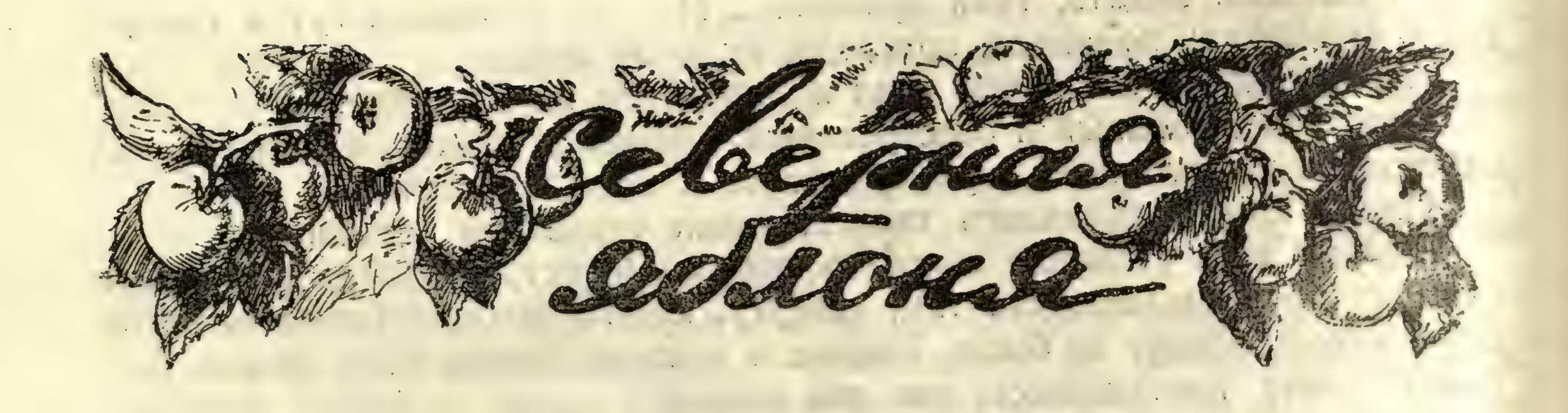
Возле дымовой трубы лежал навзничь Миша Корольков. В одной руке у него был зажат кирпич, а в другой погасший фонарь.

Увидев товарища, он приподнялся.

— А где этот... убежал?

— Нет, не убежал, Мишенька, не убежал.

— Как хорошо! — проговорил Миша счастливым голосом.

Б. Михайлов

Северная яблоня
Привычна к холодам:
Ползет, не поднимается,
Ласкается к ногам.

Играя, ветер северный
Листву взметнет рывком:
Мелькнет у ветки яблочко
Оранжевым бочком.

Наливчатое яблочко —
Душистый, сочный плод,
Северная яблоня
В саду у нас растет.

Раскинув прутья веером,
От холода зимой
Она под снегом прячется,
Укрытая кошмой.

Свисти, мороз, потрескивай,
Ломай на речках лед!
В июне снова дерево
Богато зацветет.

К. Васильева

— А интересно, вымоет она посуду или нет? — с задумчивым любопытством сказала бабушка, когда Таня встала из-за стола.

Таня с недоумением взглянула на бабушку. В комнате не было никого, кроме них, двоих, а бабушка говорила так, будто Тани тут и не было.

«Какая странная!» — подумала Таня и, постояв с минуту в нерешительности, начала мыть посуду.

Таня не любила этого занятия: у нее были дела поважнее: притащить воду с колонки, принести обед из столовой и, наконец, побегать на лыжах. Посуду же всегда мыла мама, когда возвращалась с работы. Но сегодня мамы не будет. Она уехала в командировку, и Таня жила одна уже третий день.

Жить одной вначале было неплохо: Таня бегала сколько хотела и сходила в кино два раза. Но быть вечером и ночью с одной лишь кошкой Сусой — совсем не весело. Даже, наоборот, тоскливо и страшно.

И поэтому Таня очень обрадовалась, когда появилась бабушка. Бабушка жила где-то под Курском и, если бы не война, ни за что бы оттуда не выбралась: у нее там была коза, три курицы и дом с вишневым садиком.

Раньше Таня никогда не видала своей родной бабушки. По рассказам мамы, она воображала ее очень крупной, с круглыми строгими очками и строгим голосом. А на самом деле бабушка оказалась маленькой, без очков, с ясными веселыми глазками. Руки у нее были такие проворные, что у Тани работы сразу убавилось наполовину. Таня приглядывалась к бабушке и удивлялась, как она быстро все делает, а ходит тихо-тихо, как мышка.

Утром, когда Таня пошла умываться, бабушка сказала:

— Какая у нее шея загорелая! Точно шоколадом помазана. Зимой такого загара не бывает. Верно, она моет шею от бани до бани. А под

умывальником плеснет капельку на свой тоненький носик и все. Так иногда девочки и мальчики делают.

Таня вздрогнула от этих слов и покраснела, как свекла. А бабушка, не торопясь, что-то искала в своем деревянном чемоданчике и не замечала за собой, что она думает вслух.

Тане ничего не оставалось, как вымыть не только свой нос, но и лоб, и щеки, и с особым старанием шею. Потом она подошла к зеркалу, чтобы убедиться в том, что нос у нее в самом деле тоненький, а шея белая, без загара.

Весь этот день Таня думала над тем, как бы сказать или хотя бы намекнуть бабушке на ее странности.

И в конце концов придумала.

Когда бабушка вязала ей пеструю варежку, Таня подсела к ней на кончик кресла и заговорила о спектаклях. Она сказала ей, что в этом году сходила в ТЮЗ уже четыре раза и недавно, в Дворце пионеров выступала в роли крошечного гнома, в красном колпаке и золотом камзоле.

Взглянув на бабушку сбоку, Таня спросила затем — была ли бабушка артисткой.

Старушка очень удивилась такому вопросу и даже перестала вязать. Подумав, она сказала, что артисткой никогда не бывала и не мечтала об этом. Семья у нее была большая, жили бедно и ей не привелось ни разу побывать в театре. А помнит она лишь один спектакль в школе. Это было лет шестьдесят назад. Учительница ей велела принести пучок кудели, чтобы сделать бороду одному мальчику, который в пьесе играл старика. Она куделю принесла, но в пьесе не участвовала, а только смотрела.

— А почему ты об этом спросила, деточка? — сказала бабушка, устремив на Таню задумчивый любопытный взгляд.

— Просто так, — уклончиво проговорила Таня, но заметив, что бабушка ей не поверила, сказала прямо: — Вы, по-моему, выражаетесь, как на сцене. Там, знаете, бывает так: вот стоят два человека. Очень близко друг к другу. И один спрашивает про себя, но вслух, очень громко: «А интересно, как он ко мне относится?» А другой человек, тут же, будто ничего не слышит и тоже думает громко: «А интересно, как он ко мне относится?»

Бабушка рассмеялась. Таня никогда не слыхала, чтобы так смеялись старушки. Бабушка смеялась рассыпчатым веселым смехом, будто сыпала на пол цветные мелкие камешки. При этом у нее выглядывали зубы, ровный белый рядок внизу.

— Это нехорошо, что я думаю вслух, — сказала бабушка, принимаясь опять за вязанье. — Ты, детка, следи за мной и как заметишь — скажи мне. А то я, пожалуй, какую-нибудь военную тайну выболтаю. Верно, это у меня после бомбежки стала слабая голова. Нас ведь немец бомбил каждый день. Очень было страшно.

Таня посмотрела на седую голову бабушки, прикрытую белым платком, и горячо проговорила:

— Я вам обязательно-обязательно скажу, как будет опять.

Но за этот день ничего не было. За то вечером у бабушки проявилась та же странность.

Дело было так.

Таня ложилась спать. Бабушка грела спину у голландки. Кошка Суса дремала на своем стулике.

Когда Таня стала снимать с себя желтый лифчик и голубые рейтузы, бабушка вдруг воскликнула:

— Бедная девочка, она вся опутана веревочками! Рубашка на веревочке, рейтузы на веревочке и чулки подвязаны веревочкой. Я ничего ей сейчас не скажу, а то она сконфузится. А как заснет, пришью ей пуговицы к лифчику. А рубашку с одной бретелькой придется оставить, как есть. У девочки, видно, много было дел, и она забыла подшить ее.

Бабушка произнесла эти слова очень громко и просто непонятно, как она себя не слышала.

Таня быстро нырнула под одеяло и, закрывшись с головой, перестала дышать. Ей было то жарко, то холодно. Прошло минут пять, пока Таня решилась высунуть нос из-под одеяла. Бабушка стояла под лампой, спиной к ней и вдевала нитку в иголку.

Таня, не спуская с нее глаз, осторожно потянула со стула свой брошенный лифчик и в один миг спрятала его под подушку.

А бабушка все целилась и целилась ниткой в игольное ушко и никак не могла в него попасть. Таня так и заснула, не дождавшись. Сон настиг ее в ту минуту, когда она отдавала себе приказ — встать завтра в пять часов и ни минутой позже.

Приказ подействовал. Она проснулась ровно в пять часов. Бабушка, свернувшись калачиком, спала на диване. У ног ее лежала черная Суса.

Едва Таня подняла голову, Суса зевнула во весь рот и с удивлением уставила на нее хмурые сонные глаза.

Таня на цыпочках подошла к столику, где лежала коробка со всякими пуговицами и, замирая от каждого вздоха бабушки, выбрала себе две белых пуговочки.

Кошка Суса видела, как Таня пришила эти пуговки к желтому лифчику и потом сняла с себя рубашку.

Таня минутку думала над тем, каким швом подшить оборванную бретельку. Она знала несколько швов: машинный, французский, стебельчатый и еще много других. Таня выбрала шов номер первый: мелкими шажками вперед иголкой.

Когда бабушка проснулась, Таня лежала, крепко прижмурив глаза. Одеяло было откинуто с ее груди. Желтый лифчик, блестя пуговицами, висел на спинке стула.

— Вот удивительно, — прошептала бабушка, подойдя к стулу и недоверчиво трогая пальцами пуговки на лифчике.

— Вот удивительно, — прошептала она опять склоняясь над Таней, чтобы разглядеть ее рубашку.

И она долго качала своей слабой седой головой, пока Таня не открыла глаза.

С этого дня бабушка ни разу не думала вслух. Таня же старалась каждый день мыть посуду, и каждое утро мыть шею. А как только у нее отлетала где-нибудь пуговица, она сразу же пришивала ее на прежнее место. И бабушка перестала быть странной.

П. Моторин

ВЕРБЛЮД

Ходит тихо мой верблюд:
Пять шагов за пять минут.
Он на двух своих горбах
Носит ящики в горах.

Ни машине, ни подводе
Не пройти по тропкам тут.
Здесь уверенно проходит
Мой помощник — мой верблюд.

Тверже шаг, смешной верблюд,
Нас в поселке люди ждут.
Завтра скажем:
— Хлеб и чай,
Горный житель, получай!

Нина Летаева

ДВА ПАСТУХА

— Алешка, — сказала как-то раз Галя, — пойдем в совхоз пасти коров. Там во втором стаде шестьдесят голов. Я тебя научу пасти... А ягод-то сколько!.. По полному ведру каждый день таскать будем.

Алеша подумал немного, потом, улыбнувшись, сказал:

— Я, надо тебе признаться, дожил до четырнадцати лет и ни разу с коровами не имел дела! Даже незнаком. Мама пошлет за молоком на ферму, я принесу — и только.

— Я тоже не знала. В прошлом году научилась. Попробуй.

— Ну, что ж, попробуем, — проговорил Алеша, и они пошли на молочную ферму.

Корпуса фермы стояли белыми кубиками на черной земле. Около третьего корпуса сидел Францич — бригадир. Он курил, выставив губу. На ферме его все боялись: коровы, быки и даже доярки. Не боялся только Длинный Петя, по прозванию «укротитель быков», и — телята. Старик их ласкал, а когда они ему обсасывали полы пиджака, смеялся.

— Здравствуйте, Антон Францич, — сказала Галя. — Мы с Алексеем пришли наниматься в пастухи.

— А от гнуса не убежите? — спросил Францич, не поднимая головы.

— Я же пасла прошлый год!

— Ты пасла в августе. Июнь — совсем другое дело: вода и гнус. Если беретесь — работайте. Но чтоб не плакать потом.

Помолчав, он добавил:

— Завтра приходите за ичигами и накомарниками. Послезавтра будем гнать. Доярки помогут первый день... Вот гуси торопятся к теплу.

Он поднял голову. Низко, в голубой прозрачности шли три косяка гусей. Переговариваясь, они то завивались лентой, то стягивались вновь в треугольники. Алеша попробовал сосчитать, но на второй сотне сбился.

В первый день Алеша и Галя пришли, конечно, рано в начале седьмого.

Шла дойка. Чужих не пускали в корпуса, но Галя вошла уверенно. За ней Алеша. Их встретили приветливыми возгласами:

— А, пастушки наши! Тяжело, тяжело по воде-то... Ну, ничего, молодые.

Алеша шел сзади, осматривал. Чисто вокруг. Стены побелены. Засучив рукава, доярки в белых халатах сидели большими лягушками и кулаками тянули упругие, как резиновые, соски. Молоко дзинкало в ведра, вскипая белой пеной. Коровы стояли, пожевывая мокрыми губами. Алеша не отрывал от них взгляда, точно видел их первый раз. Глаза у коров — ровно с ложку столовую. Уши как мохнатые перочистки, и рога точно вешалки в прихожей, рядами торчат.

Ближняя доярка кончила дойку и, отвязав корове хвост, побежала к столику сдать удой, потом села под следующую.

— У каждой по десяти-пятнадцати коров. Они знают хозяйку, все понимают, — поучающе сказала Галя.

— Понимают они, как же! Корова и есть корова — машина для молока, — пренебрежительно произнес Алеша.

— Вот увидишь!

— Кончили? — закричала старшая доярка, оглядывая корпус. — Раздавайте концентрат.

Запахло квасом. Доярки бегали, засыпая корм.

— Покормили? — спросил Францич.

Он встал в дверях и сразу, как в классе, когда входит директор, подтянулись коровы.

— Кончили, кончили, Францич, — затараторили доярки.

— Выпускайте! Поможете гнать до леса.

Спадая, зазвякали цепи. Коровы, теснясь в проходе, пошли к воротам, косясь на Францича. Он стоял, спрятав кнут за спиной. Доярки, гладкие и тяжелые, гнали стадо, не давая расползтись. Алеша, хлопая кнутом, подгонял отстающих.

От последней силосной ямы кончилась сухая галька. Коровы свер-

нули в кусты. Там — вода. Круглые торфяные кочки торчали, как сивые нечесаные головы. По макушкам пробивались зеленые волосики свежей травы. Коровы шли по кустам, находу срывая и жуя ветки. Сок брызгал из молодых побегов. Стоял нежный запах ивовой коры.

— Девки, девки, не потеряйте скотину, — весело кричали доярки и, проваливаясь в воду, визжали.

— Алешка! — звала Галя.

Франциш стоял на опушке, зорко наблюдая за всем.

Коровы понемногу успокоились, стали пастись. Алеша бегал и бегал, сгоняя их.

— Что еще делать? — спросил Алеша затем, подходя к бригадиру.

— Ничего. Пусть едят.

— А мы?

— Наблюдайте.

— Ну, это не трудно! С этим я справлюсь.

— Завтра за мост погоним, начнется пастьба настоящая.

На другой день, только солнце вылезло над круглой сопкой, за Тосманом рекой, пастухи уже были у корпуса. Торопясь и напирая, коровы плотной стеной шли по мостику. Доярки кричали пастухам:

— Не пускайте, не пускайте их разбегаться! Нюрка, убирай свою Налимку! Ай, на Алешку идет! Алешка — берегись!

Палевая корова шла на Алешу, опустив рога, кося темным глазом. Она прикидывала, с какой стороны бы пырнуть?

Алеша, шагнув, хлестнул ее кнутом. Палевая остановилась. Сердито замотала головой и опять пошла, выставив рог и прицеливаясь. Алеша понял: если сейчас не переломить — промучает все лето.

И шагнув, быстро поднял кнут и стал хлестать.

— Не пугай, не пугай, — приговаривал он. — Бодаться? Я тоже умею!

Налимка, мотая головой, рыла ногой землю. Потом — сдалась; пошла в стадо. Коровы, расхлестывая ветки, шли в тайгу.

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ

Голубело прозрачное небо. Зелено-синий струился Тосман, шурша галькою в сероватых обсыхающих бревнах. Он то катился по отмелям, то облизывал черные каменные отвесы.

На большой сухой лиственнице, у самой верхушки отвеса, слышался пронзительный визг: там гнездились белые птицы. Они ходили кругами в прозрачном небе и все возвращались и возвращались к черной скале, большекрылые, белые, звонкоголосые. Тосман внизу шуршал галькою. подносил пески к тополиному мысу. Тополя стояли ветвистые, еще не оделись, но взбухли почками, пахли и, казалось, было видно как течет свежий сок под гладкой зеленоватой кожей. Голубыми чашечками зацветали мохнатые весенние цветы.

Галя забежала вперед стада.

— Я буду направлять, они за мной пойдут, а ты подгоняй сзади, — закричала Алеше.

Коровы шли жадные, после зимних кормов, к сочным молодым побегам.

— Стой! Стой! — закричала Галя. — Вот сухое местечко, стоянку сделаем. Сгоняй их на полянку! Ложатся пусть, отдыхают. Кругом стада бегай! В кучу сгоняй!

— Я и то бегаю. Но, по моему, коровы удивляются, что тебе надо?

— Как ты не понимаешь? Зоотехник говорит, коровы наедаются за два часа. Потом должны ложиться и отдыхать. Это полезно для молока. Не пускай, не пускай расходиться!

— Я и то не пускаю. Вот они стоят, думают — что им делать?

Одна корова подогнула передние ноги, опустилась на колени и легла. За ней — еще одна. Потом — сразу три. Еще и еще, в разных концах, черные, пестрые, палевые.

— Сементалки — все лежат, — облегченно сказала Галя. — Палевые — это сементалки. Смотри, какие громадные!

— Здоровущие, — согласился Алеша, — правда.

— Их недавно сюда привезли. Самые молочные коровы. Налимка — тоже сементалка. Вот — лежит. Ее все боятся. Я прошлый год приручила ее: хлебом кормила, рядом ложилась, грелась об нее. Налимушка, Налимушка! Хорошая моя!

Алеша, стоя среди стада, с любопытством разглядывал коров.

— Как печки лежат, да жуют. Носы мокрые, губы мягкие. Ресницы прищуривают. И глаза — как у девочек.

Галя рассмеялась.

— Ты смешной. У тебя коровы то печки, то девочки, то машины для молока! Еще что?

— Рогатики, и ничего больше.

Коровы начали вставать. Они поднимались одна за другой, лениво, будто нехотя, медленно, обмахиваясь хвостами. Долго бродили взад и вперед. Алеша ждал — что будет дальше? И, как-то сразу, стадо вдруг поднялось и пошло к лесу. Они будто сговорились, куда итти. Алеша пугнул боковых, подались все и опять пошли вместе.

«Если бы они бросились в разные стороны — мы бы ничего не смогли с ними сделать, — подумал Алеша, — но они сами хотят быть все вместе и потому я могу справиться с ними. Я могу поворачивать их, как хочу. Интересно!»

— Опоздаем к обеденной дойке, поворачивай, — кричала Галя. Но Алеше нравилось, не вмешиваясь, следить, как двигаются коровы все дальше и дальше, к лесу.

— Запоздаем, я тебе говорю — заворачивай! — волновалась Галя, забегая вперед.

— Домой! Домой! — крикнула она.

Стадо послушно стало поворачивать обратно.

— Они поняли слово «домой» — радостно воскликнул Алеша, — честное слово.

— Конечно, поняли. Это только ты думаешь, что они — молочные машины.

— Мы их приучим и будем командовать, как в картине «Веселые ребята!» И они будут слушаться!

— Посмотрим, как они будут тебя слушаться, — насмешливо проговорила Галя.

Удивительно быстро расцветала весна!

Неделю назад, когда выгнали первый раз стадо, трава только начинала зеленеть, а теперь поднялась она уже в четверть вышиной и шелестела листками. Тальниковые заросли и лиственницы стояли на солнышке, красуясь изумрудно зеленым своим опушением. Уже доцветали первые, мохнатые голубые цветы, распустились белые ветренницы и розовые чашечки «ночной фиалки». С кочек от тоненьких желтоватых бахромок каких-то кудрявых кисточек шел запах ландыша и горького миндаля. Зацвели розовые крестики княженики.

Ни гуси, ни лебеди не летали больше. Утки садились на гнезда. Алеша нашел уже под кочкой голубоватые утиные яйца. Их было пять штук. С каждым днем пастухи находили все больше и больше гнезд. То выпорхнет, забьется, трепыхая, желтоватая пичуга, уводя от кустов. Наклонитесь — между корней в гнезде лежат мелкие, кругловатые, как бобинки, яички. То забегает, поднимая длинные крылья, кулик у воды — в кочке спрятаны рябенькие яйца его. То со свистом вылетит утка: в примятой прошлогодней осоке найдутся ее голубые тяжелые яйца.

Однажды навстречу стаду метнулась утка. Коровы пили в луже, большой и проточной, а утка плавала по воде и кричала у самых морд истошным голосом. Потом взобралась на кряжину и, подняв кверху голову, снова стала кричать, широко раскрывая клюв. Она, верно, боялась, что коровы потопчут яйца.

Коровы спокойно смотрели на встревоженную птицу. Капли скатывались у них с губ и падали в воду. Утка опять плавала и все кричала, кричала.

— Отгоним коров, пусть успокоится, — предложила Галя.

Они повернули стадо. Утка с шумом поднялась из болота и, кружась над стадом, продолжала кричать, как бы преследуя и пугая коров.

— Это просто сумасшедшая утка! — рассердилась Галя. — Ты посмотри — она еще пугает нас!

Коровы шли, не поднимая голов от травы, а утка над стадом все носилась и орала, поблескивая крыльями в ярком солнце.

Недалеко от болота была полянка. Там жила пара куропаток. Они тоже уводили коров от гнезда, трепыхая и распластываясь по земле, светя между лиственниц своими белыми крыльями. Летом куропатка, когда сидит, желто-бурая. А полетит — раскроет белый веер, и точно комочек снега между стволов.

За полянкой жила еще пара куропаток. Алеша часто видел, как они перебегали в ягодниках.

В сухой лиственнице прятались ястреба.

На сугорке темнели чьи-то норы, Алеша утверждал — барсучьи. Он подолгу сидел у выходов и смотрел туда, пока коровы паслись. Перелетали успокоенные птицы. Посвистывая, пробегали по своим делам веселые бурундуки. Изредка они вставали на задние лапки и, взглянув на мальчика, бежали дальше. Из нор никто не показывался.

НА БЕРЕГУ ТОСМАНА

Настало уже настоящее лето. Днем было жарко. Воздух дрожал от звона насекомых. Вечера стояли тихие, небо переливалось красками, и солнце, подползая к горам, останавливалось, не решаясь нырнуть за их немыслимую синеву. Лепетал позеленевший Тосман, и каждый обточенный камешек на берегу в удивительной четкости слушал дыхание земли.

Но лето на севере обманчиво. С вечера было хорошо. А потом стали комковаться тучи вдоль синих гор. Подул ветер. Когда настал день — все уже летало по ветру. Сизые груды переливались по небу, промокла земля, и в воздухе кружились белые, беззвучные комары. Пастухи стояли у корпуса, понурые, с посиневшими губами.

— Возьмите плащи, — сказал Францич Гале. — Дождь ли, снег ли — не поймешь, что будет.

Доярки, поеживаясь, побежали, стукая тяжелыми сапогами, оправляя толстые платки на головах. Ветер гнул травы и перья тальников. Все было мокрое и посеревшее. Изредка в воздухе кружилась белая сетка. Коровы шли к лесу, на-ходу обрывая траву, почти не обмахиваясь хвостами. Они не сворачивали в стороны, не останавливались.

Галя и Алеша шли сзади стада, хлюпая ичигами.

— Кто это блеет? — спросила Галя. — Ветер что-ли жужжит в осоке?..

— Нет, это лесной барашек, птица. Блеет с ранней весны, разве ты не слыхала?

Ветер рванул и унес дребезжание барашка.

— У тебя мокрые ноги? — спросил Алеша.

— Давно.

— У меня только сейчас промокли. А брюки — насквозь, об кусты. Костер бы разжечь...

— С ума сошел! Разложим, а стадо уйдет.

— Холодно!

— Надо терпеть.

Оба, поеживаясь, плотней замотали шарфы. Стадо остановилось у леса. Коровы не решались лечь на мокрую, почерневшую землю.

Галя, совсем посиневшая, дрожала.

— Я разжигаю костер, — решительно сказал Алеша.

— Ну, и будет пожар: торф кругом. Загорится, не потушишь.

— Я на глине разложу.

— Тебе все-равно не разложить в дождь. Садись и терпи, не придумывай!

— А вот разложу!

Алеша, хлюпая раскисшими ичигами, стал ломать хрупкие ветки сухой лиственницы. Кучкой сложил их на плешине. Потом залез рукой под кочку и выгреб из-под свежей прошлогоднюю траву. Дождь еще не смочил ее в середине. Она была сухая и желтая. Защищаясь от ветра полами куртки, Алеша присел на корточки. Спичка в пальцах зацвела огоньком. Полыхнула трава, подсунутая под ветки. И, крутясь, дымок пошел вверх. Огонь зализал языком, жуя хрупкую лиственницу.

— Готово! Теперь — только подбрасывать...

Алеша встал и распахнул полы куртки, чтобы согреться скорее. От ичиг и мокрых брюк шел густой пар. Скоро стало горячо телу.

Галя подошла, размотала платок и стала сушиться.

— Хорошо!

Алеша подкатил чурку и сел, наслаждаясь.

— Ничего нет лучше огня!

— Как первобытные люди мы. Они ведь молились огню.

— Замолишься, когда станет согревать.

Ветер стих. Лиственницы стояли, растянув ветки. На зеленый пух их падал уже настоящий, густой снег.

Скоро трава и пеньки стали белыми. Спины коров покрылись снегом. Они стояли, медленно пережевывая жвачку. Снег продолжал падать. Но теперь он был не страшен у огня.

На другой день снова выплыло жаркое солнце. Все празднично зазеленело и трудно было себе представить, что вчера был снег и резкий ветер. Расцвели новые цветы. Наливались бутоны шиповника.

Коровы спустились к Тосману. Они стояли на песках, смотрясь в воду, вода стекала по мягким губам. Потом, соблазненные свежей зеленью, медленно побрели к ивам.

— Не пускай, не пускай, заворачивай! — тревожно закричала Галя. — Уйдет в чащу, ни одной не увидим. Не соберем тогда!

— Куда они денутся? Они любят жрать иву.

— А я говорю, не пускай!

Не успели Алеша и Галя доспорить, — стадо исчезло в ивах. Только верхушки, покачиваясь, указывали, где движется стадо.

— Что ты наделал? Ну, что ты наделал?! Где их найдем теперь! Беги скорее!

Галя бросилась наперерез с косогора, стараясь завернуть коров. Алеша стоял, насвистывая.

— Пусть едят! Им хорошо в чаще. Как в джунглях. И комаров меньше. Смотри: это заросли бамбука.

Он нырнул за коровами. Зеленый свет, тонкий запах ивовой коры ударили ему в лицо.

Вокруг раскачивались гибкие лозы.

Коровы мелькали в зелени, черными и красными тяжелыми телами. Неожиданно показался голубой просвет старицы: прозрачная лужа на травянистом песке, след стремительной полой воды, теперь затихшей и успокоенной.

— Это буйволы пробираются бамбуковой чащей! — в восторге закричал Алеша. — И скоро выскочит тигр! Мы в Индии...

Ему казалось, что он уже видит в зеленой дрожи и полосах света полосатую голову и прижатые уши тигра.

— Ты совсем с ума сошел. Вот покажет тебе Францич тигра, когда уйдут коровы. Опоздаем к обеденной дойке, что тогда будем делать? Заворачивай их сейчас же! Который час?

Алеша посмотрел на небо.

— Солнце к южным сопкам подходит. Без двадцати одиннадцать.

— Как же мы вернем их? Смотри, уже нет ни одной! И кусты не шевелятся. Ну что ты наделал, Алеша? Что ты наделал?! — Галя всплеснула руками.

Алеша оглянулся и сам испугался: стада действительно не было. Галя побежала в обход, наперерез голове стада. Алеша бросился по песку.

Навстречу ему мелькали протоки в песках. Раскачивались неизвестные голубые соцветия. Лозы то смыкались, то размыкались. Изредка где-то раздавалось движение и короткое мычание. Показались спины коров пять-шесть штук. И — опять пустота, тишина.

— У меня на полянке десять штук, — долетел откуда-то галин голос. — А у тебя?

У Алеши было всего три коровы, они паслись на прогалине. Остальных не было видно.

«Неужели потеряли стадо!» — подумал Алеша и, облизав слипшиеся губы, внезапно крикнул во весь голос:

— Домой! До-мо-ой!

И вдруг вблизи зашевелились кусты, замелькали рога. Из листвы вынырнуло семь коров.

— А ну, домой! Домо-ой! — закричал Алеша. И неожиданно ожила вся чаща. Рогатые морды вылезали отовсюду.

— Домой! — уже весело заливался Алеша. И стадо, тяжело вылезая из чащи, шло к нему по песчаной отмели.

Алеша взбежал на обрывистый край берега. Коровы тянулись длинной цепочкой, передние уже взбирались на сугорок. Отставшие торопливо вылезали из кустов, догоняя стадо.

— Все? — спросил Алеша.

— Все! — Галя облегченно вздохнула.

— Вот видишь! И вовсе не страшно. А ты плакала. Пригоним вовремя... Но жарко до чего!

Алеша сбежал, лег на песок и припал губами к воде у протоки. Мелкая и прозрачная, она еще сохраняла холодок и вкус снега. Алеша окунул голову, скинул рубашку и ладонями, торопясь, окатил до пояса разгоряченное тело. На ходу, надевая рубашку, он подошел к Гале.

— Ну, успокоилась? Что ты кричала — не понимаю! Нечего было и волноваться. Слово «домой» они знают отлично, а нажрались здесь так, что я уверен — каждая литра два молока прибавит.

Алеша засвистел. Он снова чувствовал себя уверенным и счастливым.

У ПЕТИ ДЛИННОГО

Наступило время комаров. В тайге звенели они непрерывно, но в движении это не так мешало, а во время отдыха — жизнь была отравлена.

Дымокуры полыхали в дверях корпусов, чтобы хоть два часа могли спокойно отдохнуть коровы.

К вечеру победный звон комаров становился почти нестерпим. Пастухи, пригнав стадо, возвращались домой, в поселок. Они, шли, опустив

накомарники. Звон и пение комариных полчищ гнали вперед, несмотря на усталость.

— Больше не могу, — в изнеможении сказала Галя. — Хоть дымокуры с собой носи! Эти полтора километра до поселка, — самые тяжелые. Подумать только — если бы мы жили на ферме, мы сидели бы уже в бараках, умытые, чайничали бы и дымокурчики не пропускали бы ни одного комара! А тут топай еще. Завтра я переезжаю на ферму. Девчата уж звали.

— А мама пустит?

— Я не малолетняя. Мне семнадцатый год, в девятом классе. Работала бы на производстве, не жила бы ведь дома. Просись и ты. Верно, Алешка, давай переезжай на молферму. Будешь жить в тамбуре с Длинным Петей, он согласится. Ходить не надо и вообще — хорошо!

— Не пустят.

— Парню пятнадцатый год, а он, как маленький!

Алеша вздохнул.

Дома мать Алеши ждала с ужином. За столом, в белой комнате, мальчик с тоской посмотрел на патефон, на тюль занавесочек и белую скатерть.

«Не, пустит, конечно, — подумал он, — скажет: заростешь ты там грязью!»

Он с наслаждением подумал, как прожил бы легко вне дома. Там все не похоже на дом, необычно и интересно. Ни кастрюлек, ни мытья полов, ни чайников. Живи, как захочется.

Мать мыла чашки и брякала ложечкой. Отец раньше обычного вернулся из бухгалтерии и сел за стол.

— Отчет по совхозу закончил! — сказал он весело. — Ну, как дела, товарищ пастух?

— Усталый и грязный каждый вечер приходит. Ног не домоется, — вот как дела! — проворчала мать. — Ни к чему вся эта затея. Что он не может спокойно жить, как другие мальчики? Ну, ходил бы, помогать огородной бригаде. Но зачем это надо — пастух?! Галя — другое дело. Она, во-первых, старше. Потом — отец у нее в армии, нужно помогать семье, нужен заработок. А тебе-то зачем? Сын бухгалтера совхоза и — в пастухах! Только люди смеются.

— Нет ты, Маруся, не права, — заступился отец. — Это полезно. Я считаю, что мальчику необходима школа жизни, не только учебы. Я в свое время больше прошел.

— Приходит домой грязный, искусаный, — недовольно продолжала мать. — Сколько километров в день гоняет! Ты всем его глупостям потакаешь. У тебя вечно тоже фантазии.

— Я устаю не от пастьбы, — сказал Алеша, — а оттого, что еще лишних три километра каждый день шагаю домой. Мне бы жить на ферме, меньше ходить бы.

— Еще не хватало! — воскликнула мать — Из дома уехать... Ты и это, отец, одобри! Тоже — самостоятельность...

— Ну и что же? — спокойно проговорил отец.

В пылу спора как-то само собой так получилось, что отец разрешил Алексею пожить на ферме, а мать махнула рукой, отступая.

— Делайте, делайте, как хотите! На себя ты берешь, отец.

На другой день Алеша рано утром (пока не раздумали), захватил одеяло, подушку и простыни и явился к Длинному Пете.

Петя стоял в дверях корпуса. Он уже кончил уборку.

— Что ж, — сказал он, — место в тамбуре есть, топчан — тоже. Набивай сеном матрац и устраивайся.

Алеша с восхищением оглядел его комнату. Белые стены, две койки, стол, посредине — железная печурка с котелком. Алеша бросил на койку одеяло, подушку и, побежал на ферму, где уже кончалась дойка коров.

Длинный Петя раньше работал на прииске, мыл золото. Вагонеткой ему отдавило ногу, и он перешел в совхоз. Больная нога не помешала ему стать «укротителем быков», держа в страхе и покорности всех быков совхоза.

Быки стояли во втором корпусе, на своих цепях, толстошееи и крутолобые. Поворачивая тяжелые головы, косили белками. Иногда принимался мычать Додон, самый большой бык. Низкий рев его гудел, как труба. Ему вторили остальные.

— Что за шум, что надо? — спрашивал Длинный Петя.

И быки моментально смолкали. Он брал любого из них за веревку и вел, как маленького теленка. Бык шел покорно; поводил глазами под кудреватым лбом. Петя приучил двух черных быков работать: они ходили в упряжке, таща мешки с кормом, или бревна — кроткие и смирные, как рабочие волы.

Петя выводил Додона на прогулку. Бык, тяжелый, как трактор, бегал по загородке, рыл землю ногами, пригибал рогатую голову. Стоило Пете крикнуть, и Додон послушно возвращался в стойло.

Петя гладил его и закреплял цепь на широкой шее. Францич усмехался:

— Укротитель быков!

Алеша зажил с Петей, всем восхищаясь. По утрам, проснувшись на сеннике, он с наслаждением потягивался. Здесь спалось лучше, чем дома на пружинной кровати. За стенкой уже шевелились и позвякивали цепями быки. Пахло теплым навозом, молоком, овсянкой—жилым духом чистого скотского двора.

Шло движение. Доярки что-то весело покрикивали, сливали молоко в бидоны.

— Трудовой день начинается, — говорил длинный Петя, вставая. — Алешка, пей молоко. Я уберусь, а потом буду завтракать.

Алеша залпом выпивал полагающееся пастуху молоко, отдувая теплую парную пену, заедал большим ломтем хлеба. Потом плескал водой на глаза. Вода в ведре была прозрачная и холодная. Схватив телогрейку, Алеша бежал к своему стаду.

Вечерами, возвращаясь, Алеша шел на Тосман-реку умываться. У молфермы — главное русло. Вода текла прозрачная и стремительная. Шуршала, заворачиваясь у огромной коряги. Плавать нельзя в Тосмане, дух захватит, Алеша бросался в реку и окунался, обжигаясь от холода. По колено в воде он намыливался и обмывался, высоко брызгаясь, выскакивал обожженный.

Воздух гудел как мембрана, от комариных арий. Дымокуры стлали газовую завесу у каждой двери. Белый месяц вставал на немеркнущем розовом небе. Алеша был счастлив.

После ужина приходил Францич и, усевшись в дверях тамбура, закуривал трубку от дымокура.

— Я немцев по той войне помню: точная машина, — говорил старик Пете, всегда продолжая один и тот же вечерний разговор. — Немец — как бык. Ты вот быками владеешь, а взбесится — на рога к нему разве попрешь?

— Не попру, — говорил Петя, — сбоку, арканом его поддену.

— Ну, то-то! Так и немца. Арканом, арканом его...

Старик щурился под струей дымокура. Огонь трубки освещал его морщинистое, твердое, как из бычьей кожи, лицо.

К огоньку подходила Галя. Алеша подкидывал торф в ведро, пуская свежую струю дыма.

— Ну, — спрашивал он Галю, — у вас в бараке еще не ложатся?

— Блины жарить вздумали. Вон у барака железку растапливают.

Алеше хотелось побежать туда, попробовать блинов и подурачиться с девчатами. Но они обычно подразнивали его, как маленького. И он оставался слушать разговор о международной политике.

ПЕРВАЯ ПОБЕДА АЛЕШИ

С наступлением лета пасти стало труднее. Коровы не выдерживали жары, комаров, овода и жадно, на ходу, начинали рваться обратно на ферму. Они знали: там прохлада, спасительные дымокуры.

Пастухи напряженно следили за тем, чтобы стадо не кинулось обратно домой.

С утра было спокойно. Коровы, погрузив головы в облитые росой травы, шли пастбищем, направляясь к реке. Солнце лезло по синим горам, забираясь все выше. Легкий воздух шевелил шиповники. Пестрые спины и рогатые головы торчали над розовым морем зарослей.

Коровы с удовольствием чесали о колючки бока, толстыми, теплыми губами щипали розовые цветы.

Но высыхала роса. Стихал ветерок. Солнце начинало жечь. В воздухе поднимался гул оводов. И стадо начинало беспокоиться.

— Куда?! — кричал, щелкая кнутом, Алеша.

То одна, то другая корова, таясь за кустами, старалась свернуть к дому.

— Алеша, смотри за Нинкой, — волновалась Галя, — Смотри за Нинкой!

Нинка, пестрая и круглая, семеня ногами, делала вид, что щиплет траву, но глаз ее косил, ухо настороженно шевелилось: незаметно она отступала к кустам.

— Куда?! А ну — давай вперед! Вперед, я тебе говорю!

Алеша щелкал бичом. Нинка, вздохнув, семенила к стаду, будто и не собиралась отстать... В зарослях качались ее пестрые круглые бока, она рвала осоку.

— А ты куда? Куда еще?

Красавица, круглая красная корова, шла рысцой, ломая чащу. В ответ она только прибавила шаг. Было видно, что она решила прорваться в открытую. Догонять? Понесется, как лошадь — поймай-ка!

И Алеша, пригибаясь за кустами, побежал, делая круг, наперерез корове. Он выскочил прямо в лоб, щелкая кнутом.

— А ну, поворачивай! — Красавица метнулась в сторону. — Кому говорю? Давай назад!

Палка, пролетев, щелкнула по рогам. Корова метнулась.

— Назад!

Полетела со свистом еще одна палка. Сдаваясь, Красавица повернула. Алеша рысью погнал ее к стаду. Но стадо уже лавой шло на молферму.

— Ох, ох! — чуть не плача, восклицала Галя.

— На меня, на меня заворачивай! — закричал Алеша. — Сгруди в кучу... Я приму в лоб...

Коровы, ломая кусты, шли стеной. Алеша вылетел навстречу им, щелкая кнутом.

— В атаку! Налево кру-у-гом!

— А, ну — назад! Давай назад!

Поддаваясь, подталкивая друг друга боками, коровы свернули. И — уже овладев стадом, пастухи погнали его к лесу.

— Покажут они тебе смятение, вот прозевай еще раз!

Галя красная, как помидор, вдруг остановилась.

— Стой! А Налимка где, Алексей?! Смылась Налимка!

— Бегу искать.

— Не смей! Пока ищешь — все стадо опять повернет, как я одна?

— Да ведь ты хвасталась, что она тебя любит и слушает?

— Когда слушает, а когда нет.

— Смотри, опять заворачивают, — вскрикнула Галя. — Вот наказанье, мученье какое, вздохнуть не дадут!

— В атаку! Отступи и сбивай с разгону!

— Упустишь, упустишь так, Алексей!

— А я говорю — необходимый стратегический шаг. Отбегай! Они соберутся в ниточку. Тогда — в лоб и заворачивай!

— Не сумеешь...

— Тебе говорю...

Алеша в ярости бросился, обежав стадо, вскочил на тропинку. Коровы, вытянувшись в ниточку, шли одна за другой, постукивая копытами.

Алеша близко подпустил их, затем, испустив военный клич, ударил прямо на переднюю.

— А ну назад! Поворачивай!

Кнут защелкал по мордам и по рогам.

Секундное колебание и — передние повернули. Стадо стало сворачивать с пути. Победа!

— Бей им в тыл! Гони не отступая! Галька, видишь, дурища, как действуют на войне?! Быстрота и находчивость...

Галя молча сердито подгоняла отставших.

БЕГЛЯНКИ

Проплыл июнь и кончилось цветенье. Пищали уже тоненькими голосами утиные выводки в лужах. Желтые клювы птенцов торчали в гнездах. Чащи шиповника перестали быть розовыми. С уплывающей половиной июля пришли ягоды.

Сначала голубица засинела отдельными пятнами, а потом синим дымом покрыла кочки. Пастухи находу огребали ее горстями и котелками, собирали ведрами, когда отдыхали коровы. Только редко ложилось стадо: гнус не давал.

— Военные действия разворачиваются, — сказал как-то раз, наблюдая за коровами, Алеша, — хитрости врага растут. Видишь, они пускают-

ся на уловки, что бы прорваться домой... Просто сил не хватает! Целый день бегаешь, как собака: мокрый, лицо горит, в накомарнике — дышать нечем, а без него — жрут. Ну просто — нет спасенья!

Алеша в изнеможении бросился на кочку.

— Хоть бросай чортову пастьбу.

Галя упрямо поджала губы.

— Этого позора еще нехватало! Отказаться среди лета. Я тебя рекомендовала и не думай позорить меня, если сам не стыдишься. Это — низость.

— Подумаешь — рекомендовала. Я сам за себя отвечаю. Что хочу, то и сделаю...

— Ну и плохо сделаешь...

Она присела, сердито стала есть ягоды.

— Смотри, княженика поспела! — сказал Алеша немного погодя.

— Где?

— Вон, под кочкой!

— Правда, поспела...

Между травой алые ягоды, крупные и зернистые, как садовая малина, сидели, качаясь на длинном стебельке.

— Ох, как вкусно!

Поляна развернулась перед ними красным ковром. Пастухи, забыв про жар и про ссору, ползали на коленях, обеими руками набивали рты.

* * *

Из всех коров больше всех причиняла беспокойства Красавица. Она каждый день норовила удрать домой от жары и овода. Алеша даже пожаловался на нее Пете Длинному. Укротитель быков, выслушав Алешу, сказал:

— Дали потачку, не скоро отучите. Ты вот что: отпусти ее сегодня, пусть уйдет: вернется в корпус, там я с ней поговорю.

— Ладно, Петенька. Помоги, пожалуйста!

Алеша, накинув сумку, ушел.

Как всегда, с утра, коровы ели спокойно и быстро. Но уже через час Красавица, упрямая и уверенная в себе, повернула к ферме. Алеша вернул было ее, но едва успел присесть, как Галя завопила:

— Уходит, уходит опять!

Красавица рысью шла в кусты. Алеша махнул рукой.

— Пусть идет!

— Это позор, позор! — волновалась Галя.

Стадо свернуло к Тосману.

— Не пускай! Не пускай! — кричала Галя. — В кустах они все разбредутся, не собрать.

Но Алеша забастовал.

— Давай дадим им идти, куда хотят. Они знают где лучше.

— Ты опять что-то выдумываешь, Алексей!

— Что выдумываю? Ты любишь делать то, что тебе нравится. И они тоже любят делать по-своему. Пусть делают, поглядим.

Галя с возмущением накинулась на Алешу, но солнце слишком жарило, у нее нехватало сил спорить. Стадо, спасаясь, свернуло в ивовые заросли.

Здесь было прохладно. Стадо шло, и ветки хлестали по бокам, отгоняя оводов. Слышалось шуршание тел и довольное, короткое перемыкивание.

— Слышишь — рады, — сказал Алеша, — вишь, разговаривают друг с другом, чтобы не потеряться.

— Они так, разговаривая, возьмут и уйдут. А мы, разговора их не понимая, всех растеряем.

— Нет, я понимаю: вот коротко мычат, это говорят — «Ты где?» — Я тут. — «Ты где?» — Тут. Если тревожатся, то мычат протяжно. Если сердятся, то низко. Просят — высоко.

— Это что еще? Кто мычит? — вдруг вскрикнула Галя.

Сзади быстро двигался кто-то грузный, сильно наваливаясь, раздвигал ветки и ревел, ревел протяжно и жалостно. Ему хором отрывисто отвечали голоса из чащи.

Галя и Алеша выбежали на прогалину: от фермы полным ходом, подняв голову и отставив хвост, бежала Красавица. Изредка она приостанавливалась, мычала и опять припускала шаг на ответные голоса стада.

— Откуда она взялась? Что ее принесло? — воскликнула Галя.

— Видишь, зовет стадо. Пригналась и розыскала.

— Где же она была? Ведь она километра за три отстала.

— Мало ли где была! Ты, Галька, лучше посмотри, как лупит-то! На ней только верхом ездить.

— Не вздумаешь ли еще попробовать? Меня интересует — почему она вдруг вернулась?

Алеша лукаво усмехнулся.

— А это мы узнаем, когда вернемся домой. Кстати, — Алеша взглянул на солнце — скоро одиннадцать.

— Дом-ой — запела Галя.

— До-мой! Домой! — подхватил Алеша.

Стадо, помыкивая, поднималось наверх с отмелей.

Дома Алеша побежал к Пете Длинному.

— Ну, как пришла Красавица? — спросил укротитель быков.

— Пришла. Галька с ума сошла от удивления: корова идет и ревет, идет и ревет! Стадо ищет. А стадо еще за километр отвечает ей. Была она в корпусе?

— Была.

— Ну ты что сделал?

— Посоветовал ей вернуться.

— Нет правда, Петя!

— Привязал. Взял кнут и отдул хорошенько. А потом — отвязал и выгнал из корпуса. Она как пустилась бежать! С ревом. Бежит и ревет. Оглянется на меня и опять бежит. Поняла!

Петя Длинный довольно улыбнулся.

— Мы за три километра были от того места, откуда она ушла. Как же она нашла?

— А то не найдет? Они чуют, где стадо. Нюх у них не хуже собачьего. Видишь — рысью прискакала. Больше уходить не будет.

С этого дня Красавица в самом деле перестала бегать на ферму.

С первого дня заметил Алеша Джебру, молодую, веселую и плутоватую корову, которая выманивала у него хлеб. Джебра всегда, будто нарочно, старалась привлечь его внимание: ей нравилось, чтобы ею занимались. На отдыхе, когда все стадо, переваривая жвачку, лежит или стоит, облизывая друг друга, Джебра подходила к какому-нибудь из пастухов и начинала, вытянув длинный, шершавый язык, облизывать ему спину. Она щурила карий глаз с мягко загнутыми ресницами и будто спрашивала — «хорошо?» Алеша протягивал ей кусок. Довольная, она быстро слизывала хлеб с руки и отходила.

— Какая торжествующая, даже насмешливая у нее морда! — изумлялся Алеша. — Выманила, добилась, а теперь над нами же смеется.

Иногда Джебра вдруг отбивалась от стада. Если пастухи старались ее подогнать, она отскакивала в сторону, принималась мычать, вызывая кого-либо из подруг в побег: одна уходить не любила.

Скосив хитрый, озорной свой глаз, она вытягивала морду и звала.

— «Идем!» — передразнил ее Алеша. — Я тебе пойду! Повызывай-ка мне еще...

Кто-нибудь из простодушных телок пытался было уйти, но скоро останавливался под грозным окликом Гали или Алеши. Нинка начинала тревожно шевелить ушами. Явно она не решалась ослушаться и старалась удрать потихоньку. Пробираясь в кусты, оглядывалась: «не видят ли?» Если замечала на себе взгляд пастуха, тотчас принималась мирно пастись, будто в мыслях худого не бывало. Стадо двигалось, а Джебра вилась вокруг, отыскивая желающих удрать.

Раз Галя целое утро гонялась за ней. Джебра то и дело отскакивала в сторону. Устав до изнеможения, Галя решила наконец:

— Иди куда хочешь! Не могу держать больше.

Тогда Джебра, постояв в стороне и видя, что ни коровы, ни люди не обращают на нее внимания, спокойно вошла в стадо.

— Ты видишь, Алексей?

— Вижу. Она нарочно дразнила тебя. Делала вид, что хочет удрать, чтоб ее ловили. Может, ей сегодня никого подговорить не удалось?

— Может и так.

К концу лета Джебре удалось найти постоянную напарницу для своих скитаний.

Три старика пасли большое стадо молодняка. От фермы они угоняли коров километров за восемь, где были лучшие травы. После обеда старики подгоняли стадо на водопой к Тосману. В этом-то стаде и подобрала Джебра себе подругу — стройную, черную телку, такую же длинноногую и поджарую, как сама.

Уже подросла и начала завиваться капуста в полях. Зеленка, — овес, который косят на корм скоту — давал колос. Настало время скитаниям — шел август. С утра Джебра паслась спокойно, но после обеда она начинала тревожно поглядывать по сторонам. Поднимала голову, останавливалась с недожеванным пуком травы. Вдруг, издав короткое мычание, Джебра кидалась в сторону.

— Дождалась! Видно жалует подружка, — сердито говорила Галя, всплескивая руками.

Между кустами и кочками, где-нибудь вдали, мелькало рогатое, черное тело. Подружка, помыкивая, шла в стороне. Джебра бежала навстречу. Пастухи знали: подруги пойдут через болото и на ближайшем капустном поле или в овсе остановятся.

Налимка тоже скиталась по полям. Но она убегала иначе. Упрямо и тихо она уходила в сторону от стада сразу же, как выходила на пастбище. Не уживалась в стаде эта грузная, желтопалевая корова, наводившая страх на людей. Галя старалась приручить ее к себе, уверяя, что «она любит ласку», кормила хлебом, на отдыхе садилась с ней рядом, обняв за шею. Налимка равнодушно лежала, жуя жвачку. Алеша пугал ее бичом и швырял палками, чтобы вернуть к стаду. Почти не прибавляя шагу, она успевала уйти от пастуха.

Наевшись сочного, молодого овса на ближайшем поле зеленки, она ложилась отдыхать и лежала до вечера. К шести часам сама шла в корпус, неся полным тяжелое вымя.

Время дойки и возвращения домой все коровы знали хорошо. В обед, в одиннадцать с половиной часов и вечером — в шесть стадо уверенно поворачивало к ферме.

В начале августа спал гнус. Меньше кусал овод, рассеялись комаринные полчища, обдуваемые ровным, ласкающим тело ветерком. В ясном прозрачном воздухе мягче светило солнце. Но трава уже высохла от июльского жара. И стадо с утра пускалось в путь в поисках лучших пастбищ. Быстро и дружно текло стадо, находу отщипывая ветки. Казалось — оно готово уйти в неизвестные дали. Но приближался обеденный час, и стадо, как по молчаливому уговору, поворачивало к дому.

В начале августа Францич распорядился перенести дойку на пастбище. Он велел пастухам:

— Подгоните в полдень к трассе (шоссеной дороге) у палатки шестого километра. Туда подвезут посуду и придут доярки. Нечего взад-вперед гонять коров. Там будем дойку устраивать.

В первый день Гале и Алеше стоил страшных усилий повернуть коров. В одиннадцать часов коровы лавой пошли на молферму. Пастухи бегали с кнутами, кричали, сбивали их в кучу, заворачивали, коровы не желали слушаться: они пытались прорваться к молферме, они требовали дойки.

Наконец удалось подогнать их

к условному месту. Из палатки выбежали доярки, гремя ведрами и подзывая своих коров. Пастухи согнали стадо в круг, но коровы не стояли на месте. Они беспокойно мычали и не давались доить; некоторые не отдали молока совсем. Доярки ахали, пастухи сердито вздыхали, не смея возражать Францичу. Старик был спокоен:

— Привыкнут.

На другой день некоторые коровы уже стояли спокойно. На третий — стадо легко подогнали к площадке, и коровы стояли почти все. На четвертый — стадо привыкло к перемене.

Коровы, не разбегаясь, дожидались дойки. После дойки ложились или тихо бродили вокруг.

— Поняли, — говорила Галя облегченно. — Самое важное им понять. Ты знаешь, Алешка, они туговато понимают, рогатики. Медленнее, чем лошади, например. Но они не глупее лошадей. Они просто — медленнее. И начни торопить их — все перепутают и заупрямятся. А когда поймут, все сделают. С ними надо терпение. Не хватит терпения, начнешь бить и кричать — хуже: растеряются и заупрямятся, хоть убей. Ласка им нужна.

ЛЕСНОЙ МУЖИК

Шел август — самый благодатный месяц на сибирском севере. Какой удивительной синевы стояли горы! Солнце заливало их золотом и, ка-

залось, от этого золота проступала нежная желтизна на лиственницах: они стояли золотыми свечечками. По косогорам растянулись красные ковры брусники. Голубика начинала уже опадать и морщиться — прихватил ее первый утренник. Много ее еще синело на кустах, но много, много лежало уже на мху. И куропатки, и тетерева, и бурундуки — все начали перекочевывать на брусничники, сладкие после первого утренника. Ягоды шиповника, мучнистые и блестящие, вошли в полную зрелость.

Север наслаждался осенью, будто раскладывал все, завершенные за лето плоды.

Бурундуки, белки и короткохвостые, бурые, полевые мыши уже собрали свои зимние запасы, а птицы начинали готовиться к отлету. Опять, как весной, огромные стаи их носились по вечерам.

Осенняя тревога и страсть к передвижениям, которая есть у всех животных, охватила и коров: они уходили все дальше и дальше в тайгу. Алеша и Галя бездумно двигались за стадом, собирая ягоды в котелки, сделанные из консервных банок, и грибы — в накомарники.

Стадо проходило лиственничным лесом, тополевыми рощами. Оно останавливалось у маленьких, тихих озерков, где белели в воде березовые стволы. И опять двигалось дальше, шурша желтеющей метелками высокой травой, в которой виднелись только рога и спины. День шел спокойно и медленно, как стадо.

Но вдруг кто-то нарушил спокойствие. Круторогая Война, блестящая гладкой черной шерстью, остановилась на прогалинке, раздувая ноздри, понюхала чуть заметный бугорок земли и замычала, тревожно и жалобно. На ее голос подошла Красавица и, топчась, начала передними ногами рыть мох. Сероватый ягель взлетел под копытами. Рев Войны сделался угрожающим. Коровы храпели, переговаривались короткими тревожными взмыками. Вот Нинка сунула свою трехцветную голову к самому бугорку и вдруг испуганно шарахнулась в сторону. Стадо отскочило и заметалось.

Галя спрыгнула с пенька и побежала к коровам.

— Что там у вас? — крикнул Алеша.

— Не понимаю! С ума сошли! Мечутся и ревут вокруг кучки навозу.

— Чьего навозу?

— Откуда я знаю?

Алеша подбежал к бугорку и, вглядевшись, повернул к Гале побледневшее лицо.

— Галька! Это медвежье! — прошептал он. — Честное слово. — Вот и след.

На мягком, сером, мхе, действительно, ясно был виден след босой ноги, похожий на человечий.

— Босиком кто-то шел, — сказала Галя спокойно. — Кто тут мог босой ходить?

— А ты думаешь он в сапогах пойдет? — сердито проговорил Алексей, вытаращив глаза. — Ты думаешь, это кто?

— Мужик какой-то.

— Лесной мужик, вот какой: Михаил Иваныч.

— Алешка, брось!.. Ведь человечья нога.

— А когти? А посмотри, как наружный бок втиснуло, разве у человека так бывает? И круглее след... Куда он идет?

Алеша, наклонясь, искал по земле отпечатков. На сухом месте их не было видно. Но чуть подальше, на сырой глине, у лужи, ясно оттиснулся след с когтями.

— Вот посмотри!

Выдернув кнут из-за пояса, Галя молча начала отгонять коров.

— Гони их скорее, Алешка! Гони отсюда скорее...

— Куда?

— К дому гони! Нападет...

— Да ведь пять километров.

— Ну, куда-нибудь погоним, отсюда уходить надо...

— Подожди, посмотрим, куда следы идут...

— Нечего там рассматривать!

Забежав сбоку стада, Галя стала гнать, щелкая кнутом и не решаясь крикнуть.

Коровы подались, беспорядочно топчась и ломая кусты.

— Все тут? — отрывисто спросила Галя.

— Как-будто все.

— А в кустах?.. Что там бурое в кустах, Алексей?

— Не знаю. Может, он? А вдруг он сейчас выйдет и бросится на корову? Что делать тогда?

— Что делать?

Алеша посмотрел на Галю карими растерявшимися глазами и облизал губы. Галя глядела в лицо Алеше. Ветер раздувал из-под платка ее светлые волосы. Лучик солнца прыгал у растегнутого ворота гимнастерки. Солнце стояло высоко над синими горами. Все было, как всегда.

6* 83

Но вдруг стало вызывающе отчетливым, будто выдвинули передним планом в кино.

Может быть, сейчас, вот из тальниковых кустов выйдет на них медведь? След был свежий и ясный — он только что прошел туда. Прошел или залег? А сейчас — встанет и бросится на корову? Как они смогут отбить ее? Что надо сделать? Что там бурое?

— Не двигается, — тихо проговорил Алеша. — Вздор! — крикнул он громко — Пойду, да и посмотрю, куда след ведет.

— Не ходи, Алеша! Куда ты один? Вместе...

— А стадо? Я пойду и узнаю. Если он — постараюсь испугать его, они боятся крика. А ты — гони стадо. Дальше гони. Надо же узнать где он?

Алеша решительно шагнул вперед.

Бурое было неподвижно. Ближе идти или нет? Он может испугаться и броситься. Ну, если захочет броситься, то убегать бессмысленно, все равно догонит. Лучше его испугать. Медведь или не медведь?

Алеша подобрал палку и пошел к бурому.

— Корень! — крикнул он Гале. — Просто вывороченный корень, больше ничего!

84

От радости он швырнул палку в мохнатый, обсыпанный землею корень лиственницы, раскорячивший лопасти, как лапы.

— Ни-че-го! — громко и радостно крикнул Алеша.

— О-го-го! — отозвалось эхо в горах.

Неожиданно что-то тяжело зашевелилось ниже в кустах, и Алеше показалось, что толстый мужик в шубе и валенках побежал по кустам, раздвигая ветки. Валенки промелькнули по мху и скрылись. Алеша застыл на месте ошеломленный.

Несколько минут он не мог понять кто это и только почувствовал, еще до того, как понял, что у него захолонуло сердце и мурашки пошли по пальцам. Он повернулся и медленно пошел к Гале.

Все стало опять, как в кино на переднем плане, — надвигаясь на Алешу с поражающей яркостью. Вот и Галя придвинулась. И когда она надвинулась уж совсем близко, он, будто перешагивая через барьер, сказал ей беззвучно:

— Галя! Я видел медведя, и он убежал от меня.

И тут Алеша вдруг почувствовал страшную радость оттого, что в самом деле он видел и прогнал медведя.

— Честное слово! — сказал он. — Честное слово! Толстый. Бежал, как большой мужик в валенках... Я даже не понял сразу. Вот здорово! Вот интересно-то!

Но Галя не разделяла его интереса.

— Не пойду! Ни за что больше не пойду так далеко, гори они белым огнем, — бормотала она. — Эти бродяжничества, не пойду со стадом больше полкилометра от фермы, пока не убьют этого медведя. Так и скажу всем.

— Да ведь медведь убежал от меня!

— Мало ли что убежал, вздумает и вернется. Не очень-то его испугаешь!

И она заставила Алешу гнать коров обратно на ферму, бормоча:

— Хватит! Хватит. Ни ногой больше в тайгу!

Но уже через несколько дней они опять брели по тайге, ища лучших пастбищ коровам и лучших ягодников себе.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Подошел сентябрь. По утрам, когда выгоняли коров, все было белое. Стекло льдиное лежало во всех лужицах в черных рамках земли, оно

хрустело, ломась под ногами. Брызгали струйки воды. Солнце, широкое и красное, поднималось выше, и травы, седые утром, покрывались влагой. К полудню становилось жарко. Сухой лист шуршал под ногами, лиственничные иглы мелко устилали землю. Запах грибов проплывал полосами. На ближайших пастбищах все было съедено, только на дальних качались метелками сухие травы и летал белый пух семян Иван-чая.

Утренние заморозки убили гнус. Коровы бродили не тревожимые оводами и комарами. Они не рвались в поля: там уже скосили зеленку и убирали капусту.

У пастухов половина времени оставалась свободной. Алеша и Галя договорились, что по очереди один справляется со стадом, а другой отдыхает, приходя на помощь только в случае нужды. Галя стала брать с собой вышивание. Она садилась на пенек и обвязывала платочки. Белая материя трепетала под ветерком у нее в руках. Она обвязывала ее нитками, яркими, как осенние листья. Иногда девушка уходила собирать ягоды и пела высоким голосом какую-то длинную, зовущую вдаль песню. Песне как-будто отвечали лебединые клекоты в воздухе. Стаи лебедей опять, как весной, шли высоко в голубой прозрачности.

Алеша становился на высокую торфяную кочку и смотрел на лебедей, закинув голову. Его охватывала осенняя тревога. Иногда он оставлял стадо одной Гале и уходил в тайгу. Он почти не брал ягод, а быстро шел по прозрачному лиственничному лесу, добираясь до Тосмана реки или застревая над какой-нибудь глубокой лесной колдобиной. Из воды с шумом поднимались и, крякая уносились утки. Алеша свистел, пугая их, подражал их кряканью. Утки, сделав несколько кругов, возвращались обратно кормиться в болото. Если Алеша стоял тихо, они опускались и плыли по воде, переговариваясь. Алеша вспугивал их, подпустив совсем близко. Он знал, что другие пастухи палками бьют молодых уток. Раза два он тоже запускал палку и относил убитых утят домой, к матери. Но ему не хотелось убивать. Он сам не знал что ему хотелось: он завидовал улетающим гусиным и лебединым стаям. Это была осенняя тревога. Мир был прекрасен. И синие горы, и золото солнца, и золото деревьев, отвечающих солнцу, были похожи на большую торжественную песню. Ее необходимо было передать кому-то. Но — кому?

Алеша шел и в такт шагам ему вспоминались какие-то стихи. Не слова, а мотив. Что-то пело в нем, отвечая осени. Иногда начинали

складываться какие-то свои строчки.

Он смотрел в синее небо и кричал:

— Слушайте меня, рогатики!

Коровы поворачивали к нему головы, сытые и немного сонные.

Он стоял, возвышаясь на кочке, будто купаясь в воздухе, возбужденный и взъерошенный, как тетерев перед боем.

Он читал стихи, размахивая руками и упиваясь собственным голосом.

Ляг, упившись соком ягод,
Крепких красных ягод леса.
Горы стынут в желтых флагах
И колеблют туч завесу.

Незаметно подошла Галя.

— Ты совсем помешался, Алексей! Что это еще значит?! — удивилась она.

— Это... Это лесной концерт. Их много, я их пастух и хочу говорить с ними. Ведь они были — моими товарищами все лето.

— Вот еще! А я разве тебе не товарищ?

— Конечно, товарищ, — стихая и спрыгивая с кочки, смущенно сказал Алеша, — но тебе все равно не интересны эти стихи, а мне — говорить надо.

— Им-то, думаешь, интересно?

— Нет, но мне-то интересно говорить перед кем-нибудь, перед многими. Я воображаю, что это люди.

— Забредил ты от одиночества, в школу пора возвращаться.

— Да, — задумчиво проговорил Алеша. — Вот скоро грянут морозы, тогда кончится пастьба и — в школу! А знаешь, Галька, вот прожили мы все лето в лесу, как-будто ни о чем не думали, никого, кроме коров, не видели, а я чувствую, что повзрослел и будто понял что-то за это время.

— Что же ты понял?

— А научился видеть и думать. Как-то вышло так, что я сейчас могу не только коров, но и сам себя пасти. Сам себе пастухом стал.

— Это потому, что ты первый раз работал и знал, что надо делать и за что отвечать.

— Пожалуй! И потом: я командовал коровами, смотрел как они живут. Видел, как живут звери и птицы. Оказывается, от этого лучше видеть начинаешь.

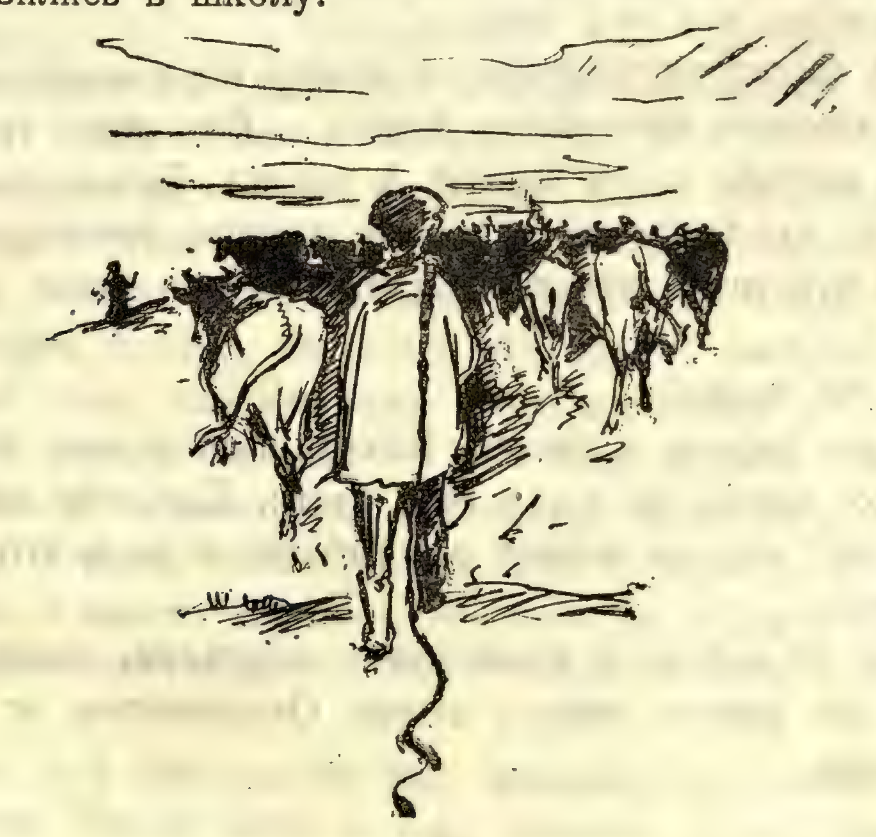
— Конечно, лучше. У меня вот папа ушел на войну, — сказала Галя тихо, — и каждый день я думаю — тут тихо, будто и нет ничего, а там пушки грохают да грохают. Вот сейчас и каждую минуту и каждый день — умирают люди. Чем, чем я могу им помочь? Я могу только встать и работать за папу. Чтобы он спокоен был. Я на его месте и для нашей семьи и для Родины. Я вместо него.

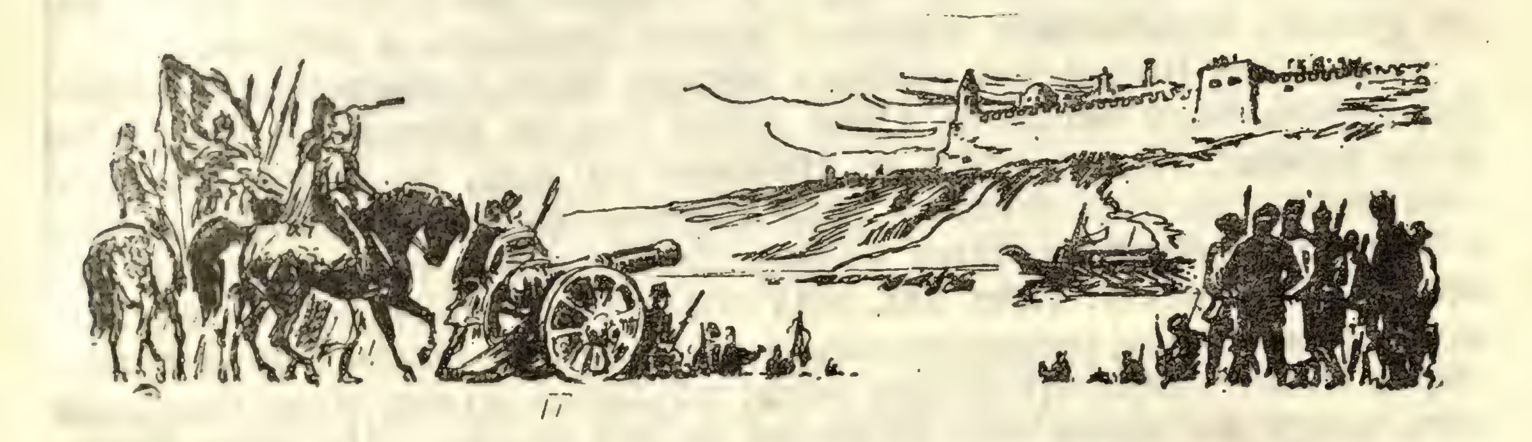
— Да. Ты за папу, я за кого-то другого. Но вот удивительно: работаешь и кажется об этом совсем не думаешь: пасешь себе, да пасешь. А сам где-то там, вроде помимо себя, помнишь: тут тишина, а там — бой. Иногда, почти слушаешь: не грохнет ли за горами? И кажется: и горы знают, и деревья знают и коровы знают, что идет война. И все — за одно. Мы лето почти без людей прожили, а придем в школу — там будем вместе с ребятами, будто и не расставались. Ведь мы все думали про одно — про то, что там, на войне. Скоро уж и школа, недолго пасти осталось, — закончил Алеша.

— Мечтатель ты, — проговорила Галя, смеясь. — Поднимай-ка своих товарищей.

— Домой! — крикнул весело Алеша, и коровы неторопливо начали подниматься.

Снег выпал внезапно и рано. 20 сентября еще было солнце, а на другой день он сразу пошел густыми хлопьями. И шел целый день. Белым закрыло землю. Закрыли на зиму коров в корпуса. А Галя и Алеша отправились в школу.

Аполлон Майков

ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ

Золотая Орда, по смерти хана Ахмата, как разрубленный на части змей, у которого ожила каждая часть, распалась на несколько царств: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайские Орды и царство Сибирское. Все эти орды, главное, промышляли грабежом.

Особенно нас беспокоили Крым и Казань. Хан крымский получал подарки от Московского и от Литовского государства, чтоб только не приходил с ордой своей грабить, и жечь, и уводить пленников. Да и с подарками на него нечего было надеяться; дары он от нас брал, а все стращал:

— Не укроетесь от меня за своими стенами — крепостями, дремучими лесами.

И в самом деле беспрестанно нападал, жег даже несколько раз Москву. За подарками присылали послов и ногайские князья. И все эти послы, и крымские, и ногайские, были чудные: едет посланник в Москву и гонит табун лошадей, а как приедет — то ходит к боярам и царю о посольских делах говорить, то сидит на конной площади, сам лошадей продает. Солон был нам этот хан, но все-таки от него отделяла нас степь, и московские государи устроили по всему рубежу крепости, заставы и разъезды и содержали там войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя, и поход степью труден, пока до Перекопа доберешься, да и сам крымский хан был подручник турецкому султану, и султан за него бы вступился; а султан уже и так разнюхивал пути в Россию, пытался завладеть Астраханью, чтоб оттуда Волгой добраться и до Москвы.

Казань же была к нам ближе и была еще несноснее. Грабители казанские господствовали на Волге, разбойничали даже под Костромой,

разбивали обозы и караваны наших купцов, портили всю нашу торговлю с Азией, — не говоря уже о том, что в Казани, как в Крыму, сотни тысяч русских невольников, воровски взятых, томились в рабстве.

Царь Иван Васильевич решился прежде всего покончить с Казанью. Два похода были неудачны. Один поход был на другой же год (1548) после пожара. Пошли зимой из Нижнего по льду, по Волге. Но полились дожди, настала оттепель. Много пушек провалилось в продушинах с людьми и лошадьми. Царь должен был оставить предприятие и возвратиться в Москву. Через два года после того (в 1550) пошли во второй поход, тоже зимой; расположились к осаде Казани. Опять пошли дожди: порох подмок, стрелять нельзя было; разлились ручьи; надо было снимать осаду. Но поход этот обошелся не без пользы. На устье Свияги поставили город Свияжск, много беспокоивший казанцев и очень много послуживший в третьем нашем походе.

Наконец, еще через два года, в 1552 году, решили итти под Казань летом. Собрано было 150.000 войска. Царь выступил сам из Коломны июля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки, порох, всякие снаряды и тяжести. Часть войска с царем пошла на Владимир, а другая — через Рязань к Суре.

Поход был веселый. Пищи было обилие. В чистых полях лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и белые лебеди стадами плавали в тихих заводях; реки кишели рыбою. Шли словно не в поход, а на охоту, и на привалах и ночлегах жарили добычу как для пира. Жители — русские, мордва, мещера, черемиса подвозили хлеба и с любопытством разглядывали войска, бояр, юного царя.

Казанцы тоже готовились принять гостей и писали государю: «Ждем вас на пир: не в первый раз бежать вам со срамом от нашего юрта».

30.000 заперлись в своем крепком городе с высокими каменными мечетями, башнями и с толстыми дубовыми и земляными стенами. Остальное же войско и всю свою конницу поставили за лесом, под начальством своего хитрого князя Епанчи, и условились с ним, как скоро они выставят на башне знамя и станут махать им, то это значит, что русские идут на приступ, и чтоб Епанча ударил на них с тыла.

Распорядясь так, они смело поджидали наших — и вот 23-го августа увидели при восходе солнца, что русские полки, с музыкой и распущенными знаменами, подходят к городу и растягиваются, чтобы обложить его с разных сторон. Как только увидали себя лицом к лицу обе силы, — и русская и татарская, — в тот же день переведались между собою в кровавой схватке, и с первого раза поняли, что дело пойдет на упор с обеих сторон. Царь с воеводами и со своим розмыслом, — т. е. инженером, умевшим вести подкопы в земле, чтобы порохом взрывать башни и стены, — все первые два дня не сходил с коня, высматривая места, где ставить пушки, откуда приступать к городу и куда вести подкопы.

На четвертый день, 27-го августа, наши открыли огонь из 150 пушек. Казанцы отвечали тем же, и начался почти непрерывный, остервене-

ный бой. Больше всех донимал наших хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а он словно нас держал в осаде. Наши не пускали в Казань хлеба, а он отбивал хлеб, который везли к нам, и являлся всегда там, где его меньше всего ожидали. Чтоб его истребить, пришлось отрядить против него половину войска.

Царь думал сначала, что жаждой принудит казанцев сдаться, потому что Казань стоит на горе и от воды не близко; он и перерезал все их пути к Казанке и к реке Булаку, но видит, что они все держатся. Узнали, что у них около городской стены в одном месте есть родник, куда они ходят подземным путем и берут воду. Царь приказал под этот ход подвести подкоп.

Десять дней рылись в земле, и вдруг рабочие услыхали над собой голоса и шаги. Накатили в этом месте одиннадцать бочек пороху и зажгли фитиль: последовал взрыв — и часть стены и тайник полетели на воздух. Но казанцы не пали духом, принялись в самом городе рыть колодец; дорылись-таки до воды; вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее через силу, пухли и болели, но не сдавались.

Русские били в стены из пушек и таранами, кидали огромные камни, выстроили великие туры, или подвижные башни, придвинули их к стенам, и с них стреляли в город на улицы из пищалей и луков. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали казанцы густыми толпами то из тех, то из этих ворот, и завязывалась жестокая сеча, так что войско наше потомилось-таки довольно. К тому же пошли дожди; все места, где оно стояло, обратились в болота, и один раз налетела такая буря, что много судов наших потопила на Волге, сорвала палатки воинов и даже царский шатер.

Время между тем уже подходило к октябрю. Дело замешкалось оттого, что все ждали, когда будут готовы подкопы. Наконец, к 1-му числу октября розмысл, или инженер государев, объявил, что готовы два подкопа под главные башни казанские. Царь тотчас приказал, чтобы в ночь на 2-е число все было готово, и как через два часа по восходе солнца взорвут подкопы, то чтобы со всех сторон кидались на приступ. Сам царь в эту ночь в своей походной церкви велел служить раньше заутреню.

Вдруг главный воевода, князь Михайла Иванович Воротынский, присылает ему сказать, что 45 бочек пороху уже в подкопе, что казанцы сведали о нашем деле, и что нельзя терять ни минуты. Царь велел выстроиться полкам как можно тише, а сам остался дослушать заутреню. Вдруг грянул гром, земля затряслась. Царь бросился к выходу из шатра, и видит: над Казанью стоит темный высокий столб дыму, вверху освещаемый розовыми лучами восходящего солнца, — и глыбы земли, обломки башен и стен, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падают из этого дымного столба со страшной высоты на город... Царь видел, как полки кинулись к проломам, — к стенам; они ставят лестницы, а на стенах вдруг высыпали головы татарские, и видно было, что там все задвигалось: наши лезут на стены, а татары льют на них из таганов горящую

смолу и скатывают бревна; в проломах, на грудах земли и камней, в страшной давке — и конные и пешие уже втискиваются в город... Прибежал к царю посланец от князя Воротынского, со словами:

— Государь, пора тебе ехать, полки ждут тебя.

Царь надел доспехи, сел на коня и поскакал со своим полком: русские знамена уже развевались на стенах Казани.

Свирепый бой шел в самом городе. Толпы татар, теснимые уже изнутри города, по трупам взлезали в одном месте на стену и вдруг стали прыгать со стен, хотели пробиться к лесу, и все пали, но много положив и наших.

Царь въехал в город по кровавой улице, с которой для того поприбрали трупы, и тут в городе его поразило неожиданное зрелище: его встретила толпа русских, только-что освобожденных пленников, из которых некоторые многие годы томились в неволе казанской. Царь велел их отвести в свой стан и кормить со своего стола. На другой день город был очищен от трупов; царь, духовенство, войско торжественно вступили в Казань. Воротясь же в Москву, государь, в память взятия Казанского, построил в Москве Покровский собор, что нынче называется Василием Блаженным: на этом месте прежде было кладбище.

Так совершилось покорение русскими одного из царств Магомета...

По падении Казанского царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустил по Волге двух воевод с войском, и они без больших хлопот заняли Астрахань. Вся Волга была уже в наших руках, и в Москву явились посланники от персидского шаха, от бухарского и хивинского ханов и других закаспийских народов, чтоб уговориться насчет торговли с Москвой. Теперь торговым людям был открыт прямой доступ к Азии и берегам Каспийским.

(Рассказы из Русской истории)

Покорение Казани, могущественного и грозного наследника Золотой Орды, так поразили народное воображение, что о нем сложился целый цикл песен. В памяти народа особенно запечатлелись подкопы и взрыв крепостной стены.

И это вполне понятно. Подкоп и взрыв — было новым явлением в русской военной технике. Впервые в восточной Европе применили это средство литовцы при осаде Стародуба в 1535 году. Через семнадцать лет Иван IV повторил его под Казанью.

Техника самого взрыва была очень проста. На бочки с порохом, доставленные в подкоп, укрепляли свечи, зажигали их и уходили. С догоревшей свечи огонь передавался на бочку, она взлетала и одновременно взрывался весь припас.

Казань-город на костях стоит,
Казанка-речка кровава течет,
Мелки ключики — горючие слезы,
По лугам-лугам все волосы,
По крутым горам все головы,
Молодецкие, все стрелецкие...

Ой, вы гости, гости званые,
Гости званые, не чванные,
Я ли вас, гостей, накликаю,
Расскажу вам весть великую,
Быль да правду — не нелепости,
Про разгром Казани-крепости!
Уж как славный царь Иван Васильевич
Собирал большую силушку
Ровно тридцать лет, три месяца,

А набравши, поисправился,
На Казань войной отправился...
До Казани не дохаживал,
Стан во полюшке налаживал,
Под Булат-реку до Казань-реки.
А под стены под казанские
Бочки с порохом закатывал,
С лютым, черным зельем-порохом,
А на бочках ставил свеченьку,
Ставил свечку воска ярого!
А татарове по стеночкам
Ходят, бродят, насмехаются:
«А не взять тебе великую
Крепость славную казанскую,
Уж ни во сто лет, ни в тысячу!»
Воспалилось сердце царское,
Взоры на землю потупились!
«А подайте-ка мне пушкариков,
Пушкарей, да зажигателей!
А скажите-ка мне, пушкарики,
Расскажите, зажигатели,
Почему подкопы темные
До сих пор стоят, не тронутся?
Аль не ладно дело сделано,
Аль подкопы неудачливы,
Али порох, злое зелие,
Кладен был испорченный?
А уж я-то вас, пушкарики,
А уж я вас, зажигатели,
За великие провинности
Царским гневом всех пожалую!»
Призадумались пушкарики,
Да один пушкарик выбрался:
«Не вели казнить, царь-батюшка,
Дай тебе словечко вымолвить!
На ветру свеча затеплится,
Скоро, быстро разгорается,
А в глухом местечке тлеется,

Не горит, не разгорается!
Не успел он слово вымолвить,
Догорела свеча ярая,
Всполыхнулся порох-зелие,
Разметал стену казанскую...
И повел Иван Васильевич
Рать-дружинушку великую
Через пролом стены на улицы,
На ту площадь на казанскую.
А горит Казань великая,
Побежали злые недруги,
Плачут юные татарочки,
Долю злую проклинаючи!
Выходила тут с повинною
Знать великая казанская
Перед очи, очи ясные
Ивана, свет, Васильича,
Приносила тут подарочки,
До земли Ивану кланялась,
Просит слезно, просит милости
Не казнить их, супротивников,
А под руку под великую
Взять с детьми их, с домочадцами,
А на место Едигерово
К ним поставить воеводушку.
Привозрадовался батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич,
Одарил своих пушкариков
По полсотенки бумажками,
А тому ли он молодчику,
Молодому зажигальщику,
Дал пятьсот рублей серебряных,
Уж за то ли слово смелое,
За его за правду добрую.

В одно время с Екатеринбургом, ныне Свердловском, завелась, в шести верстах от него, довольно людная деревня Шарташ, при озере того же имени. Заселилась она пришлыми из разных мест раскольниками, между которыми было много ремесленников и торговых людей.

В числе первых поселенцев-раскольников был Ерофей Марков. Он пришел на Урал в 1724 году из Троицко-Сергиева монастыря.

В мае 1745 г. Ерофей Марков отыскивал в окрестностях Шарташа горный хрусталь, или по тогдашнему названию тумпасы. При одной из раскопок ему случайно попали кварцевые камешки, в которых блестели желтые металлические зерна, и несколько отдельных, таких же металлических крупинок.

Марков пошел в Екатеринбург и отдал часть своей находки серебрянику Дмитриеву. Тот попробовал паяльной трубкою находку Маркова и сказал, что крупинки эти — золото. До этого времени золота на Урале не знали.

После того Марков 21 мая представил оставшиеся у него камешок и крупинки в Екатеринбургскую горную канцелярию. К допросу вызван был серебряник, и тот показал, что принесенные Марковым крупиночки он сплавлял, и явилось золото, раскованное тонко, весом в четверть золотника. В камешке, представленном Марковым в канцелярию, явственно видно было вкрапленное золото.

Немедленно послан был на то место, где найдено Марковым золото, ассесор горной канцелярии с горными служителями и работниками, и велено ему то место осмотреть и разведать «копанием вглубь». Марков показал яму, где нашел он золото. Это была кругловатая яма, глубиной в сажень и в диаметре в три, три с половиной аршина. Место это нахо-

лилось на северо-восток от деревни Шарташа, по дороге к Пышме, верстах в трех от реки, а от той дороги, примерно, с версту на восток, на ровном месте у болота.

Горные служители провели горную разработку на этом месте, но камешков и золотых крупинок не нашли.

31 мая канцелярия получила сообщение, что в яме оказался лишь кварц и тумпасные знаки. Канцелярия предложила провести более обширные работы и для разведок в окрестностях командировала штейгера Маке с рабочими; Маркову же приказала, чтобы он то место, откуда взял золото, «нескрытно» объявил Маке.

Немец Маке начал производить работу, но ничего не обнаружил. 17 августа канцелярия получила сообщение, что в указанном Марковым и в окрестных местах золотой руды не найдено, и в шурфах попадаются только пустой камень и глина, и что шурфовать тут не для чего.

Маке и чиновники канцелярии не поняли того, что образцы, предъявленные Марковым в канцелярию, были взяты не из жильного месторождения, а из песчано-глинистого золотосодержащего пласта. Ерофей Марков открыл первую в России золотую россыпь, и ее надо было разрабатывать совсем другим способом, чем жильное месторождение.

На месте, указанном Марковым, следовало бы работать не вглубь, а разрабатывать во все стороны и промывать тот слой, в котором найдены признаки золота. Но члены канцелярии, в большинстве своем немцы, отыскивали твердые жилы золотосодержащего камня и ничего не знали о золотых россыпях. В то время золотые россыпи разрабатывались в одной только Венгрии.

Тупые горные чиновники даже заподозрили, что Марков утаивает настоящее месторождение золота. И потому определено было: «горной работы в этих местах более не производить; Маркову объявить, с крепким подтверждением, чтоб он те места, из которых крупинки золота и камешки с золотом же в канцелярию объявлял, подлинно показал бы, без всякого закрытия; дать ему, для объявления точных к тому мест, сроку на две недели, а чтоб он до того никуда не сбежал, в том взять на нем надежные поруки, а буде порук не даст, приставить к нему караул; буде же, по прошествии двух недель, о тех местах подлинно не объявит, то с ним поступлено будет по силе указов **другим образом**».

Положение Маркова становилось весьма незавидным; без сомнения, он уже раскаивался в том, что представил находку свою начальству.

Но как бы то ни было, через две с небольшим недели, он явился в горную канцелярию и объявил, что камешки взяты именно из указанных им мест, и что других таких мест он не знает; и то утвердил п о д с м е р т н о ю к а з н и ю» (так сказано в протоколе канцелярии).

Канцелярия определила: «Маркова отдать, впредь до указу, на надежные поруки, и при том ему объявить, чтоб он, для совершенного с п р а в д а н и я приискивал, как в объявленных от него, так и в других местах, таких и других руд[1] и как приищет, то, не вынимая из земли, для свидетельства, объявлял бы в канцелярии; и являться ему в канцелярию каждый месяц по дважды».

Обо всем этом горная канцелярия послала подробное донесение в столицу, в берг-коллегию. В конце донесения сказано, между прочим: «хотя канцелярия признает, что показанные Марковым каменья едва ли в тех местах взяты, с коих показывал он, однакож строго или с крепким пристрастием поступить с ним она опасна, чтоб другим чрез то ко объявлению руд не воспрепятствовать». Чиновники канцелярии предусмотрительно умолчали о том, что Ерофей Марков свои показания подтвердил под «смертною казнью».

В ответ на это берг-коллегия, в указе своем, от 11 ноября 1745 г. писала:

«Канцелярии с Марковым поступить без озлобления, дабы чрез то, к совершенному и полезному прибытку, впредь мог он тщаться и отыскивать: а о награждении за оное имеет быть впредь не оставлен».

Марков с рабочими после того снова стал заниматься рудными поисками в окрестностях Шарташа и нашел вновь несколько признаков золота.

В мае 1747 г. горная канцелярия предписала пробирному мастеру Рюмину взять из тех шурфов, которые покажет ему Марков, по нескольку фунтов глины и песку разного вида и опробовать в лаборатории. По пробам в некоторых, взятых из шурфов, камешках оказалось содержание золота.

В 1748 г. один шурф, где были встречены прожилки железной руды, с видимым в ней, местами, мелким золотом, был углублен и обращен

[1] Марковым, кроме золота, найден был также признак серебристо-свинцовой руды, также близ Шарташа.

в шахту. Работа в ней велась под руководством берг-гауера (подмастерья) Глеса. В июле 1748 г. Глес представил образцы добытых там руд, из которых одна содержала в себе золота 13 золотников в 100 пудах. При чем в своем донесении умолчал о том, кто первый нашел золото. Имя талантливого русского горняка Ерофея Маркова, открывшего первое золото, больше не упоминается в исторических документах. Мы не знаем, что было с ним потом.

Известно лишь, что с 1748 года на одном из мест, указанным Ерофеем Марковым, был заложен рудник и началась широкая разработка золота. Рудник сначала назывался Шарташским, ныне он зовется Марковским.

За тем вскоре найдено было в окрестных местах несколько новых золотых жил и рудники, преимущественно по берегам речки Березовки,

С того времени прошло двести лет. Широко развернулась на Урале добыча золота. Народ с благодарностью вспоминает имя талантливого русского горщика Ерофея Маркова, открывшего первое золото.

(По мстериалам Н. Чупина)

* *

К. Мурзиди

Двести лет, двести зим прошло.
Сколько вдаль воды утекло,

Сколько стаяло с гор снегов,
Сколько бито с тех пор врагов!

Ерофей? не могу забыть...
Ну-ка, выйди из темноты.
Немца штейгера, может быть,
В мертвом немце узнаешь ты?

Да не бойся, не побежит,
Он с рассвета в снегу лежит.

Ну, иди сюда поскорей,
Нет ни стражи, ни писарей,
Нет ассесора, что сидел
В канцелярии горных дел.

Подойди, не стой в уголке,
Ну-ка, что у тебя в руке?
Покажи-ка еще разок
Эти зернышки, погляжу.
Видишь, в камне какой глазок?
Знаешь, что я тебе скажу?

— Это золото! Вот так весть!
В землях русских и это есть.
Будет счастье в твоем дому.
Дай поздравлю и обниму.

Честь и слава тебе навек,
Ты — удачливый человек!
Все хорошее — впереди...
Подойди сюда, погляди.
На земле твоей, на святой.
Век мы начали золотой!

Аглая Кузнецова

В лесу открылась школа,
Там учится зверье:
Две белочки веселых,
Три зайца, крот и еж.

Сынка ведет лисица:
— Примите в первый класс.
Медведица стучится:
— Где учат тут у вас?

Дает зверям тетрадки
Учитель—старый волк,
Бывал он в зоопарке
И в книгах знает толк.

— Вот это единица,
А это цифра пять.
Прошу вас не лениться
И поровней писать.

Внимательнее, белки!
К доске ступай-ка, еж!
Возьми кусочек мела
И два на два помножь!..

Окончились занятия,
У Мишки важный вид.
—Умею умножать я,—
Он маме говорит.

— Я два на два помножу,
Помножу три на три,
И пять на пять я тоже
Помножу — посмотри!

Медведица довольна:
—Вот ум у малыша!
А ты умеешь, школьник,
Как Мишка, умножать?

КАК ПТИЦЫ ЛИСУ ИСПУГАЛИ

Сказка

В. Ярков

Однажды лиса бежала мимо озера. Гуси увидали ее и закричали:

—Га, га. Иди сюда.

Подошла лиса поближе. Видит—гуси далеко плавают от берега, не попасть к ним в гости. Заночевала на берегу, а утром увидали ее журавли, замахали крыльями и закричали на весь лес:

—Курлы, курлы... Пришли, пришли!

Вслед за ними запел и куличок:

—Вот идет... Вот несет... Вот идет... Вот несет...

А лягушки поправили его:

—Два... два... ква... ква...

Это, понятно, встревожило лису. Спрашивает она голубей:

—Кто пришел, что принес?

Голуби забегали по сучьям березы и забормотали:

—Гуль, гули... Пуль, пули...

Тут все стало ясно лисе: пришли охотники в лес и пули с собой принесли. Остановилась лисичка, прислушалась и спрашивает перепелочку:

—Где идут?

—Тпрусь, тпрусь... не трусь, не трусь...

Понятно, лиса не струсила, чего ей бояться охотников, пусть идут, но только вот с собаками встречаться неохота.

В это время гуси снова закричали:

—Га, га... га, га...

—Куда же я, милые гуси, пойду к вам?—спросила лиса.

У вас вода. Лучше пошлите ко мне гусеночка или утеночка, я ему хорошенькую песенку спою.

Но гуси ей опять твердят:

— Га, га... га, га... иди сюда...

Что делать? Гуси на воде, не добраться до них, кабы охотники не подошли.

— Пинь, пинь... циповань, циповань... скинь, скинь... — посоветовала ей синичка.

А филин добавил басом:

— Фу-бу... фу-бу... Шубу сними.

Лиса и рада бы снять шубу, да не знает как это сделать. В это время зяблик вдруг запел:

— Пьють, пьють... бьют... бьют...

«Ну, — думает лиса, — началось. Побегу-ка я лучше домой».

— Спасибо вам, дорогие пташечки, что во-время предупредили.

И побежала лисанька домой без оглядки.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ ПО ИСТОРИИ

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

6

Цена 3 р. 50 к.